

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

НОУ-ХАУ

ПАЛАЧА

Полковник Гуров

Николай Леонов

Ноу-хау палача (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Ноу-хау палача (сборник) / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-095747-7

В городском парке с интервалом в несколько дней обнаружены трупы двух молодых девушек. Причина их смерти – искусственно вызванная патология сердца. Полковники МВД Гуров и Крячко предполагают, что имеют дело с намеренным убийством. Но кто мог совершить такое изощренное преступление? Сыщики изучают окружение погибших и выходят на медицинский центр, подпольно занимающийся исследованием редких сердечных болезней. Гуров начинает знакомиться с его деятельностью и приходит к страшному выводу: убитые девушки – не последние жертвы кровавой серии...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095747-7

© Леонов Н. И., 2018
© ЭКСМО, 2018

Содержание

Ноу-хау палача	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	43
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Леонов, Алексей Макеев

Ноу-хау палача

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Ноу-хау палача

Глава 1

Отделение судебно-медицинской экспертизы на «Кантемировке» окутала тишина. Длинный, точно вытянутая кишка, коридор, подсвеченный тусклым светом дежурного освещения, пустовал. Многочисленные двери, выходящие в продолговатую кишку, держали закрытыми. Простоватые пластиковые таблички указывали на особое предназначение скрытых за ними помещений. Помещение для приема трупов, холодильная камера, комната для одевания, помещение для хранения органов и тканей, шкафы-хранилища личных вещей, гистологическая лаборатория, судебно-химическая лаборатория, траурный зал выдачи тел. Десятки комнат, и у каждой своя функция.

Единственная дверь, со скромной надписью «Секционная», оставалась слегка приоткрытой, и из нее сочился холодный люминесцентный свет. Хозяин помещения явно не боялся оказаться потревоженным. Будучи представителем довольно экзотической профессии, он не превратился с годами в мизантропа. Напротив, чем становился старше, тем сильнее ценил дружеское общение и тем активнее вовлекал в это самое общение давних друзей и приятелей. Это была первая причина, по которой он не беспокоился о том, что его могут потревожить.

Второй причиной являлось само помещение. Вернее, то, для чего его использовали. Безобидное название «секционная» на профессиональном жаргоне судмедэкспертов звучало как «разделочная», и разделявали в ней отнюдь не птицу и даже не крупный рогатый скот. Здесь происходило вскрытие трупов. Не установили личность? Добро пожаловать в «секционную». Познакомились с огнестрельным оружием или схлопотали топор в голову? Вам туда же. Есть сомнения в естественности причин смерти? Без знакомства с «разделочной» вам не обойтись. Самим трупам, разумеется, от названия и назначения комнаты ни холодно ни жарко, на то они и трупы. А вот обывателю в эту часть здания лучше не забредать. Вид «секционной» неизменно наводит ужас на случайных посетителей. Кафельная плитка на полу и стенах отливает синим, заставляя кожу покрываться мурашками. В центре, под огромной регулируемой лампой, какие обычно используют в операционных, расположен стол из нержавеющей стали. Стол этот особый: с бортами, желобками – и установлен под уклоном. Угрожающего вида раковина с бытовым краном и стоком для крови. Каталки из той же нержавеющей стали, расставленные вдоль стены. Набор инструментов из тридцати трех предметов разложен на двухуровневом передвижном столе. На один этот стол посмотришь, и в памяти тут же всплывают кадры из фильмов о Франкенштейне. Долото шестигранное, зонды хирургические, щипцы костные, нож хрящевой, и это далеко не полный список. Одних ножниц пять видов для различных нужд.

Вот почему открытая дверь никоим образом не могла помешать уединению хозяина «секционной» или отразиться на его работе. Впрочем, в эти предутренние часы пообщаться с судебно-медицинским экспертом Сергеем Юрковым, патологоанатомом Царицынского морга, желающих не было. Тело умершего, ожидающего начала процедуры вскрытия, не в счет: у подопечных Юркова уже не было и не могло быть ни стремлений, ни желаний.

К работе своей Юрков старался относиться философски. За тридцать пять лет он насмотрелся всякого. Смерть уже не шокировала его, не заставляла скорбеть, не вызывала чувства безысходности. Она попросту потеряла в его глазах свое первоначальное значение. Такой подход к жизни и смерти давал Юркову возможность приходить домой после долгого рабочего дня и получать удовольствие от простых человеческих радостей: чашки горячего чая, спортивных передач и очередной статьи в ежемесячном журнале «Судебная медицина».

Но иногда философская установка давала сбой. Работа задавала сложную задачу, или же жестокость случая, произошедшего с подопечным, зашкаливала, неважно. Просто наступал день, когда абстрагироваться от ситуации уже не удавалось, и тогда проблемы покойника становились вовсе не его проблемами. Они становились проблемами Сергея Юркова, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вторая неделя июня радовала москвичей теплом и распутившейся зеленью. Ожидание выходных, увеличенных благодаря грядущему всероссийскому празднику, создавало в городе особую атмосферу. Юркову же это обстоятельство добавляло массу дополнительных проблем. Все государственные структуры получили официальное «добро» на четыре дня безделья. Увы, к Царицынскому моргу это не относилось, график работы судмедэкспертов предстоящие выходные не затронули. Более того, спеша уладить все спорные вопросы и неотложные дела, сотрудники полиции шести административных округов Москвы, а также их коллеги из управления полиции метрополитена, линейных подразделений вокзалов и железнодорожных станций непрерывным потоком потекли к станции метро «Кантемировская», чтобы успеть до праздников «выбить» из судебных медиков срочные и несрочные отчеты о вскрытиях лежалых и свежих трупов.

Утро вторника для Юркова и его коллег ничем не отличалось от любого другого, но ближе к двум часам пополудни напряг со срочными и суперсрочными делами уже начал сказываться. В восемь вечера все «секционные» еще работали на полную катушку. К полуночи дорабатывали лишь самые стойкие, а к утренней заре в морге остались лишь трупы и Сергей Юрков, на которого, зная его покладистый характер, сбросили свои дела более молодые и семейные коллеги.

В свои шестьдесят три Юрков выглядел, да и чувствовал себя прекрасно. Высокий рост, выющиеся волосы цвета воронова крыла, слегка посеребренные сединой, изумрудные глаза, волевой подбородок, греческий профиль и весьма незаурядная мускулатура – все это заставляло женские сердца сжиматься и замирать в груди всякий раз, как Юрков появлялся в обществе. Сам он женского общества сторонился, по большей части как раз из-за своей внешности, вернее, из-за того, какой эффект она оказывала на слабый пол. Главную и единственную любовь своей жизни, супругу Екатерину, Юрков похоронил восемь лет назад и с тех пор жил вдовцом, находя ввиду отсутствия детей утешение в работе.

Он отработал почти двадцать часов, когда «труповозка» доставила нового подопечного. Оформил труп ворчун Мироныч, санитар из приемного отделения. Он же получил на руки документы, включая постановление о разрешении на вскрытие от следственных органов и скромненькую приписочку от лица начальника районного ОВД «Марьинский парк», сообщающую о первостепенной важности переданного дела.

От непрерывной многочасовой работы Юрков чувствовал усталость во всех мышцах и собирался отложить осмотр трупа до утра. Угрызений совести это решение у него не вызвало, так как дневную норму он успел выполнить и даже перевыполнить, а начальник ОВД может передавать сколько угодно писулечек о важности и срочности. У них всегда все срочно.

Юрков бегло просмотрел бумаги: молодая женщина, личность не установлена, найдена в парковой зоне Марьино, открытая рана в затылочной части черепа. Ничего интересного. Сообщив Миронычу, что проведет вскрытие неизвестной на следующий день, он собрался уходить, но санитар принялся ворчать о том, как тяжела его работа и как надоело в одни руки тягать покойников из приемки к холодильникам. Пожалев его, Юрков вызвался помочь загрузить труп неизвестной в холодильную камеру. Лучше бы он этого не делал! Лучше бы, поддавшись первому порыву, отправился домой, к подушке, набитой бамбуковыми листьями, и к удобным тапочкам. Но все сложилось так, как сложилось. Юрков вызвался помочь, Мироныч с радостью ухватился за это предложение, а дальше все случилось само собой.

Каталка с телом неизвестной стояла в коридоре напротив лифта. Юрков в ожидании остановился у дверей комнаты с холодильными камерами. Мощным толчком санитар послал каталку вперед, придав ей ускорение. Колеса, смазанные накануне кем-то из усердных сотрудников, в одно мгновение набрали скорость и покатали по мраморной плитке со скоростью тяжеловесного снаряда пушки времен Петра Великого. Не ожидавший от каталки такой прыти Мироныч растерянно следил за удаляющимся трупом. Воображение услужливо нарисовало картину: тележка врезается в дальнюю стену коридора, труп, точно ядро из катапульты, устремляется вперед, впечатывается в препятствие и вместе с штукатуркой и синей масляной краской оседает на пол. Тело испорчено, медицинская экспертиза сорвана, а начальник бюро судебно-медицинской экспертизы подписывает приказ об увольнении.

– Все, хана мне, – обреченно простонал санитар.

И в этот самый момент Сергей Юрков сделал шаг вбок, ловким движением ухватился за ручку пролетающей мимо каталки и дернул ее на себя. От резкой смены направления колеса каталки застопорило, дальний край повело в сторону и бросило на стену. Тонкая ткань одноразовой простыни взлетела вверх и скатилась на пол, открыв лицо неизвестной. Взгляд патологоанатома выхватил строгие черты лица в обрамлении копны рыжих волос. Юрков отшатнулся. «Катя! Моя Катя», – пронеслось в голове. Ощущение нереальности происходящего захватило целиком, заставив оцепенеть и тело, и мозг. На каталке лежала точная копия жены Юркова, такой, какой она была в свои тридцать лет.

– Серега, ты мой спаситель! – Облегченный вздох Мироныча раздался будто сквозь вату. – Я уж думал, кирдык покойнице, и мне заодно. Если бы не твоя реакция, искать бы мне с утра новую работу.

Юрков хотел отвести взгляд от лица женщины, хотел что-то ответить ему, хотел, чтобы наваждение прошло, исчезло, но оно не исчезало. Какой-то отдаленной частью мозга он понимал, что перед ним чужой, незнакомый человек, что эта женщина не может быть той, с кем он долгие годы делил кров и постель, но сходство было настолько сильным, что эмоциональная часть сознания отказывалась подчиняться рациональной. Что с Юрковым что-то не так, Мироныч понял, лишь когда подошел к патологоанатому вплотную. Взглянув на его побледневшее лицо и остановившийся взгляд, санитар озабоченно спросил:

– Серега, с тобой все в порядке? – Тот никак не отреагировал. – Эй, дружище, ты как?

– Накрой ее. – Голос Юркова прозвучал вяло и как-то безжизненно.

– Что? Ты о покойнице? – Мироныч в недоумении перевел взгляд с безжизненного лица неопознанного трупа на не менее безжизненное лицо Юркова. – С ней что-то не так?

– Накрой, – повторил Юрков.

Спорить Мироныч не стал. В конце концов, патологоанатом спас его шкуру, остановив тележку, за это и его причуды потерпеть несложно. Хочет, чтобы даме вернули похоронный саван? Да пожалуйста! Подняв с пола бумажную простыню, Мироныч накинул ее девушке на лицо и, оглянувшись, спросил:

– Так пойдет?

Юрков не ответил, продолжая таращиться на труп.

– Ну что, поехали? – вздохнул санитар. – Загрузим в холодильник, и ты свободен.

– Нет! – резко оборвал его Юрков. – Вези ее в «секционную».

– Зачем? Ты же хотел пойти отдохнуть? – удивился Мироныч. – До начала новой смены часа четыре, а ты хочешь, чтобы я оставил ее в «разделке»? По-моему, не самая разумная идея. Посмертные изменения, и все такое...

– Я не собираюсь оставлять ее до утра. Я собираюсь заняться ею немедленно.

– Вот те на! – опешил Мироныч. – Минуту назад что говорил? Что ноги не держат, что домой спешишь, хоть пару-тройку часов на родном диване вздремнуть. А теперь снова в ляжку впрягаешься? Не дури, Серега! Отправляйся домой, никуда твоя красавица от тебя не уйдет.

Он собрался было посмеяться собственной шутке, в стенах морга старой как мир, но выражение лица Юркова тут же отбило охоту шутить.

– Мироныч, вези тело в «секционную», – повторил Юрков, развернулся и первым зашагал в направлении «секционной».

Вздыхнув, санитар выровнял колеса каталки и покатил вслед за патологоанатомом. В «секционной» он надолго не задержался. Вместе с Юрковым ухватил ручки носилок, помог перебросить тело на стол и тут же удалился. «Тараканы», снующие в голове патологоанатома, его не интересовали.

Юрков дождался, пока Мироныч уйдет, плотно закрыл за ним дверь, включил лампу над столом и только после этого снял полотно, закрывающее лицо трупа. Мысленно он готовился к тому, что ощущение чего-то неотвратимого накатит с новой силой, но этого не произошло. Яркий свет восьми ламп развеял наваждение. Теперь Юрков смотрел на тело молодой женщины и не мог понять, чем она его зацепила. Рыжие волосы, прямой нос, аккуратный разрез губ – все это осталось. Но в этих чертах он больше не находил никакого сходства со своей покойной женой. «Видно, усталость сыграла со мной злую шутку», – решил патологоанатом, но пойти на попятный и отложить вскрытие до утра он уже не мог. Не хотел, чтобы по бюро пошли слухи о том, что он, мол, сдает, что возраст берет свое и выполнять сложную или срочную работу ему, Юркову, стало не под силу.

– Ладно, раз уж мы с тобой успели познакомиться, придется тебе потерпеть мое общество еще какое-то время, – обращаясь к покойнице, произнес он. – Итак, будем готовиться к работе?

Подготовка заняла не более пяти минут. Натянув на голову шапочку, Юрков надел фартук, нарукавники и плотные резиновые перчатки. Достав диктофон, вдавил кнопку записи, продиктовал название города, дату и время начала осмотра и приступил непосредственно к осмотру, продолжая говорить вслух:

– Данное судебно-медицинское исследование осуществляется на основании отношения органов дознания с целью подтверждения или исключения насильственной смерти. Объект исследования – женщина, личность не установлена, на вид около тридцати лет, рост сто шестьдесят три сантиметра. Волосы ярко-рыжие, волнистые, распущены, головного убора нет. Труп женщины холодный, на теле проступают трупные пятна в завершающейся стадии гипостаза. Одета в трикотажную кофту с коротким рукавом бежевого цвета, поношенные джинсы темно-синего цвета, нижнее белье из синтетических тканей телесного цвета, спортивные кроссовки белой искусственной кожи на синей подошве. Документов или каких-либо иных предметов в карманах одежды не обнаружено. На теменной части головы имеется повреждение черепа размером два на два сантиметра, с нарушением кожных покровов и костной структуры. Мозговое вещество разрушению не подвергалось.

Закончив описание внешнего осмотра, согласно правилам полного судебно-медицинского исследования трупа, подразумевающего обязательное вскрытие трех полостей, Юрков перешел к обязательному вскрытию полости черепа, так как единственная травма оказалась именно на голове жертвы. Внутренний осмотр лишний раз подтвердил выводы, сделанные им уже после внешнего осмотра: лежащая перед ним женщина умерла не от полученной травмы, а, напротив, получила ее уже после наступления смерти.

Далее патологоанатом действовал быстро и почти на автомате: выполнял требующиеся действия в строгой последовательности, продвигался от одного этапа к другому, не забывая описывать свои действия: вскрытие брюшной полости, извлечение внутренних органов, производимые с данными органами процедуры. Переход к грудинно-ключичному сочленению, осмотр органов на месте с последующим извлечением. Когда очередь дошла до исследования сердца, Юрков, как всегда на этом этапе, замедлил темп, чтобы не пропустить ничего важного.

– Наибольшая ширина, толщина, масса. Смотрим венечные артерии: продольный срез, поперечный срез. Атеросклеротическое поражение отсутствует, сужение просвета отсутствует.

Переходим к состоянию створок и клапанов: измеряем периметр клапанных отверстий, переходим к описанию сухожильных мышц... – Внезапно речь Юркова прервалась. Резко отдернув руку от извлеченного и помещенного на стол для препарирования органа, он принялся внимательно его рассматривать, продолжая при этом озвучивать происходящее: – Стоп! Возврат осмотра: к атеросклеротическим поражениям, от них идем к створкам и клапанам. Пришли? Пришли. И что же мы видим? Что видим?

Юрков замолчал, осмысливая то, что открылось его глазам. Длилось молчание довольно долго. Сначала он пытался убедить себя, что воображение вновь пытается сыграть с ним злую шутку. Затем, когда очевидное отрицать стало невозможно, начал размышлять над тем, к каким последствиям это приведет. Бесспорным сейчас казался лишь тот факт, что черепно-мозговая травма к смерти девушки не имеет никакого отношения.

– Сердечный приступ, вот что с ней произошло, – вновь заговорил вслух патологоанатом. – Точнее сказать, разрыв сердечной мышцы, нарушение целостности стенок сердца. Рисунок разрыва и характер повреждения органа вызывают странное чувство узнаваемости. В исследуемом объекте есть нечто, что наводит на смутные воспоминания. Впрочем, оставим это и продолжим исследование. Итак: сердечные клапаны имеют ярко выраженную деформацию, вследствие чего папиллярные мышцы, обеспечивающие движение клапанов, не справились с данной функцией. Полагаю, разрыв папиллярных мышц произошел из-за резкого увеличения нагрузки на них. Что вызвало столь резкий скачок нагрузки, диагностировать затруднительно.

Переключившись на другие органы, Юрков завершил работу, отключил диктофон, но вместо того чтобы идти мыться, надолго замер над телом неизвестной, пытаясь вспомнить, где видел подобную травму сердца. «Это случилось совсем недавно, определенно недавно, – подгонял он собственные мысли. – Ты должен вспомнить! Должен! Подобное в твоей практике встречалось нечасто. Стареешь, брат, память подводит. Еще пять лет назад тебе и пяти минут не понадобилось бы, чтобы восстановить любую картину в деталях. А теперь ты стоишь, как истукан, и копаешься в собственных мыслях, точно в мусорном баке, заполненном бытовыми отходами, пытаясь отыскать золотую монету».

И все же воспоминания пришли, принеся с собой облегчение. Чуть больше недели назад он проводил точно такое же судебно-медицинское исследование неопознанного трупа девушки. Она была несколько моложе той, что лежала сейчас перед Юрковым, но вот причиной смерти и той и другой явился разрыв папиллярных мышц. Внутреннюю сердечную мышцу буквально разодрало что-то изнутри. Такое случается. Нечасто, но случается. Внутренняя межжелудочковая перегородка приходит в негодность, или же папиллярные мышцы, гоняющие кровь с помощью клапанов, истончаются, и происходит разрыв. Но только не в этих случаях. Визуально папиллярные мышцы неопознанных трупов не имели истончения, их точно разорвало от слишком сильного натяжения. Будто кто-то нарочно натягивал их до того предела, когда их собственной эластичности стало недостаточно, и произошел взрыв.

– Два случая из двух. Это не может быть простым совпадением, – громко произнес Юрков. – Я слишком давно занимаюсь этим делом, чтобы верить в подобные совпадения. Вопрос в другом: что тебе с этим знанием делать?

Но, задавая этот вопрос, он уже знал, как поступит. Лев Гуров – вот его ответ. Утром свяжется с ним и переложит ответственность на его плечи. А почему нет? В конце концов, это работа полиции, а Гуров и есть полиция. Он занимает пост старшего следователя по особо важным делам на Петровке и получает за это деньги. К тому же он – давний друг Юркова. Когда у него возникает в этом необходимость, Гуров без зазрения совести пользуется знаниями и личным временем патологоанатома. Почему бы теперь ему не воспользоваться профессиональными навыками друга? Все логично, а главное, честно.

Приняв решение, Юрков успокоился. Помывшись, он вызвал Мироныча, переместил с его помощью тело неизвестной в холодильную камеру и отправился домой. До начала новой

смены оставалось не больше двух часов, но квартира Юркова находилась в двух шагах от его работы, а спать он предпочитал в собственной постели, пусть даже на сон отводилось совсем немного времени.

На этот раз уснуть ему так и не удалось. Не помогли ни домашняя обстановка, ни чай с медом. Мысли упорно крутились вокруг неизвестной. Внешнее сходство с женой разбудило воспоминания. С Катериной Юрков прожил больше тридцати пяти лет, и то обстоятельство, что с момента ее смерти прошел не один год, ничуть не повлияло на его отношение к жене. Он все еще был ее мужем: носил рубашки, которые она для него покупала, повязывал к ним галстуки по ее выбору, на завтрак делал бутерброды с ее любимым сортом сыра, а к ужину готовил овощное рагу по ее фирменному рецепту. И каждый вечер, перед тем как отойти ко сну, держал перед ней отчет обо всем, что произошло за день.

Если день выдавался скучный, то и отчет много времени не занимал, но если происходило что-то, что задевало его чувства, что-то выходящее за рамки привычного, рассказ получался обстоятельный. И всякий раз Юрков пытался представить, что бы сказала жена в том или ином случае. Чаще всего она произносила банальную фразу про то, что все люди смертны, и, раз уж это произошло, следовательно, пришло время. Но про рыжеволосую девушку она бы так не сказала. Она бы сдвинула свои тонкие брови и, покусывая нижнюю губу, произнесла бы: «Дорогой, ты не можешь пройти мимо. Ты просто обязан выполнить свой долг». И все. Без комментариев, без подсказок и наставлений. Думать о том, каким образом долг будет выполнен, полагалось самому Юркову...

Проворочавшись два часа кряду, он вылез из постели, прошлепал босыми ногами на кухню, налил очередную порцию чая и взялся за телефон. С записной книжкой пришлось повозиться. Новый телефонный аппарат, солидный агрегат, управляемый сенсором, ему подарили коллеги на шестидесятилетний юбилей, но за три года подарок так и не стал для Юркова другом. Куча ненужных функций, всплывающие окна, появляющиеся на экране, стоит задеть «иконку» пальцем, докучливые рекламные предложения, приходящие на заботливо установленные коллегами новомодные приложения, выводили Юркова из себя. Кнопочная версия мобильного телефона устраивала его куда больше, но выказать неуважение друзьям и сменить смартфон на допотопную «звонилку» он все не решался.

Потыкав пальцем в экран, Юрков выудил нужный номер, дотронулся до картинки, изображающей зеленую трубочку, и поднес аппарат к уху. Вместо привычных длинных или коротких гудков из динамика зазвучала музыка. К этому нововведению он тоже никак не желал привыкать. Насколько все было проще, когда на всех аппаратах звучало всего два сигнала.

– Да, – хриловатый спросонья голос сменил бодрю мелодию.

– Привет, Гуров! Это Сергей Юрков. У меня тут дельце интересное, как раз по тебе, – произнес патологоанатом и принялся выкладывать подробности.

Глава 2

Когда оперуполномоченный Главного управления угрозыска полковник Стас Крячко переступил порог кабинета, стрелки часов показывали четверть десятого. В этот день он не торопился, и на то были вполне понятные причины. Предпраздничная пора в этом году преподнесла операм-«важнякам» приятный сюрприз в виде отсутствия важных или просто неотложных дел. В кои-то веки им не нужно было тратить выходные на беготню за наркоторговцами, уголовниками высокого полета или похитителями детей. На данный момент в работе отдела не было ни одного незавершенного дела, а рутиной в виде писанины Крячко мог заняться и в более позднее время.

Его друг и соратник, полковник Гуров, уже восседал за рабочим столом. Отсутствие неотложных дел никоим образом не сказалось на его привычном графике, что ничуть не удивило Стаса, а вот озабоченное выражение лица друга и пусть худенькая, но все же стопка бумаг, лежащая перед ним на столе, заставила забеспокоиться. Стас так давно служил бок о бок с Гуровым, что знал наизусть все его гримасы, и та, что он видел сейчас, могла означать лишь одно: Лев нашел себе проблему, или проблема сама нашла полковника.

– Привет, Стас, – рассеянно поздоровался Гуров. – Поздновато ты.

– Только не начинай, – плюхнувшись в кресло, взмолился Крячко. – День чудесный, работы кот наплакал, я собираюсь посвятить праздничные дни чисто мужским занятиям в виде рыбалки, бани и пива, так что не начинай.

– Что не начинать? – невинно уточнил Лев.

– Сам знаешь, – фыркнул Станислав. – Хочу заранее предупредить: потакание твоей неумной жажде помогать всем и всегда в мои планы не входит.

– Ладно, – коротко бросил Гуров.

– Ладно? – Крячко нахмурился. – И это все? Не собираешься совестить, уговаривать или что ты там еще в таких случаях обычно делаешь?

– Ладно – значит ладно, – не отрывая взгляда от бумаг, повторил Гуров. – Занимайся своими делами. Орлов уже интересовался, готовы ли документы по делу Стрижа.

– Ты уже и у генерала побывал? Оперативно. Надеюсь, бумаги, что лежат перед тобой, не от него?

Генерал Орлов являлся непосредственным начальником оперативников, и уж ему-то Крячко отказать в любом случае не мог.

– Дело Стрижа, – напомнил Гуров. – Это все, что от тебя требует Орлов.

– Вот и прекрасно. Рад, что мы поняли друг друга. – Слова прозвучали несколько натянуто. – Значит, я заканчиваю дело Стрижа и уматываю на рыбалку.

Стас разрыл гору бумаг, скопившуюся на столе, отыскал нужную папку и погрузился в работу. Какое-то время в кабинете был слышен лишь шелест бумаги да поскрипывание кресел. Наконец Гуров отложил в сторону папки и раздраженно произнес:

– Ладно.

– Ладно? – Брови Крячко поползли вверх, губы язвительно изогнулись.

– Ладно, твоя взяла, – повторил Гуров. – Мне действительно нужна твоя помощь.

– Тебе? – продолжал язвить Стас.

– Хорошо, не мне, но суть от этого не меняется.

– Кого выручаем на этот раз?

– Серегу Юркова. Не совсем его, но инициатива с его стороны.

– Патологоанатома? У него что, труп сбежал? – пошутил Крячко. – Или недовольные родственники покойничка вендетту решили устроить?

– Если честно, я пока не разобрался, в чем там проблема, – пропуская шутку мимо ушей, серьезно проговорил Лев. – Знаю только то, что генерал моего порыва не поддержал. Единственное, на что удалось его уломать, – дать «добро» заниматься проверкой в свободное от работы время, и только до понедельника. Так что сам понимаешь, одному мне никак не справиться.

– Дело-то хоть стоящее?

– Это мы и должны выяснить, если ты, конечно, согласен отказаться от рыбалки и других привилегий выходного дня.

– Куда ж ты без меня? – довольно улыбнулся Станислав. – Выкладывай, в чем там проблема. Со Стрижом позже разберемся.

Гуров придвинул стул поближе к столу Крячко и поделился с ним тем, что успел узнать с тех пор, как телефонный звонок Юркова поднял его с постели. По словам патологоанатома, проблема заключалась в том, как много совпадений в смертях двух молодых девушек, вскрытие которых ему пришлось провести. Свои соображения он изложил с медицинской точки зрения, а следственную информацию добывал уже сам Гуров. Сложив данные от Юркова и от районных следователей, он пришел к тому же выводу, что и Юрков несколькими часами раньше. Теперь же, описывая полную картину для Крячко, Лев лишь укреплялся в своих выводах.

Картина складывалась следующая: двенадцать дней назад в одном из пригородных московских дворов обнаружен труп девушки. На вид девушке не больше двадцати пяти лет, но причиной смерти указан разрыв сердца, а точнее, внутренних папиллярных мышц сердца. В том же отчете сказано: ранее умершая заболеваний сердца не имела, и установить причину разрыва мышц на данном этапе невозможно. В тот же день патологоанатом отправил образцы крови и тканей на экспертизу для более глубокого изучения, но и это не помогло ответить на вопрос, что же так повлияло на сердце девушки.

Так как при покойной не оказалось никаких документов, опознать ее не удалось. Как всегда в подобных случаях, был составлен запрос в отдел «потеряшек», но девушку с такими параметрами никто не разыскивал. В данный момент она все еще находилась в Царицынском морге, но не сегодня завтра ее собирались отправить в Лианозовское трупохранилище, где оно должно храниться в морге в течение одного года. Это время отводится на случай, если родственники все же найдутся. Тогда, после проведения процедуры опознания, родственники смогут забрать тело и захоронить согласно традициям.

Получив от сотрудников районного ОВД данные на девушку, Гуров проверил все списки и заявления о пропавших людях. Судя по описанию состояния кожи, волос, одежды и обуви девушки, можно было уверенно сказать, что антисоциальным элементом она при жизни не являлась. Ухоженная, достаточно модно и недешево одета, для окраски волос пользовалась услугами парикмахера, да и остальные части тела держала в чистоте, явно придавая таким вещам большое значение. Однако дорогих украшений при девушке не обнаружили, что отчасти позволяло предположить, что ее ограбили либо до, либо после смерти.

Тем более странным казался тот факт, что ее никто не ищет. Тогда Гуров лично обзвонил московские отделы и распорядился связаться со всеми, кто в ближайшее время обращался с заявлением о пропаже девушки в возрасте от двадцати до тридцати лет, и отправить непосредственно к нему.

Так же обстояли дела и со второй девушкой. Она оказалась хороша собой, опрятна и ухожена. Отсутствие документов и рваная рана на голове плюс недавний срок происшествия давали Гурову шанс по горячим следам получить больше информации. С момента смерти не прошло и суток, поэтому он мог рассчитывать на то, что родственники объявятся. Собственно, если бы не это обстоятельство, он вообще не стал бы влезать в это дело. Мало ли что патологоанатому после суток работы привидится? Ну случился инфаркт у молодой девушки. Ну не у одной, а у двух, но ведь с интервалом в две недели. Да еще в Москве, где двенадцать миллио-

нов жителей, не считая пригорода и приезжих. Разве так уж невозможно, чтобы две девушки умерли от одной и той же болезни? Этот же вопрос задал Стас, как только Гуров выложил подробности предстоящего дела.

– Не пойму я тебя, Лева, – озабоченно проговорил он. – Ты с женой поссорился, что ли?

– Это тут при чем?

– Да все при том! Тебя четыре выходных ждут, а ты, вместо того чтобы радоваться, цепляешься за совершенно бесперспективное дело, лишь бы домой не идти. Вот я и спрашиваю: ты с женой поругался?

– У нас с Машей все в порядке. И даже если бы это было не так, ты прекрасно знаешь – я не из тех, кто прячется от проблем за работой.

– Тогда объясни мне, где ты в этом деле преступление увидел?

– Юрков утверждает, что с медицинской точки зрения такое совпадение совершенно невозможно. Я же, в свою очередь, просмотрел статистику, и она, между прочим, на стороне Юркова. Разрыв внутренней перегородки само по себе явление достаточно редкое, а при абсолютно здоровом сердце и вовсе невозможное. Знаешь, сколько подобных случаев зафиксировано в мире?

– Ладно, допустим, в этом вы с Юрковым правы, и смерть девушек имеет какую-то загадку, – замахал руками Стас. – Значит, если взять за аксиому, что это – явление насильственное, то наша задача выяснить, как на самом деле все произошло. Я верно рассуждаю?

– Для начала необходимо установить личности погибших, – ответил Гуров. – Не выяснив их имен, мы не сможем восстановить события, предшествовавшие их гибели.

– Ну с той, что сутки назад померла, дело понятное, – начал Крячко. – Сгонять на место происшествия, отыскать свидетелей. Если повезет, зацепочку получить. А что делать с той, что две недели в морге стынет?

– Есть ее фотография. Девушка достаточно молодая, можно попытаться отыскать в социальных сетях.

– Мысль хорошая, – воодушевился Крячко. – Нужно Жаворонкову из информотдела задание дать, он с этим живо справится. А еще неплохо было бы объявление бегущей строкой организовать. Помнишь, когда Вакулину дочь искали, по всем московским каналам сообщение пускали?

– Забудь! – охладил его пыл Лев. – И про Жаворонкова, и про бегущую строку. Я же тебе объяснил, что в этом деле мы можем рассчитывать только на себя. Орлов категорически запретил ресурсами отдела пользоваться.

– Да брось! – махнул рукой Стас. – Уж Жаворонкова запрячь мы и без генеральского разрешения можем. Пусть поработает на благо общества.

– За советом сходи, а навешивать на него наши заботы не смей, – категорически запретил Гуров. – Не такое уж сложное дело – прогнать фото через специальные программы. Посидишь пару часиков и все сделаешь.

– Здорово ты придумал, – проворчал Крячко. – Я тут в духоте седи, фотки через программы просеивай, а ты, значит, на место происшествия покатишь? Почему бы нам не поменяться? Ведь это я тебе помогаю, а не наоборот.

– Вот поэтому ты и останешься в отделе. На тебе еще три папки с делами, которые ждут передачи прокурору, а я свои уже все подбил. Так что если генерал заглянет в комнату и спросит, чем это ты занимаешься, скажешь, что работаешь с документами Стрижа. А я быстренько сгоняю до парковой зоны, где девушку нашли, и вернусь.

– Умеешь ты убеждать, Лева, – вздохнул Станислав, которому совершенно не хотелось попасть под горячую руку генерала за задержку передачи документов. – Ладно, кати в свой парк. Только сильно не задерживайся. Если поиски второй девушки затянутся, я за себя не отвечаю.

Дождавшись, пока машина Гурова покинет парковочную зону, Крячко достал из папки фотографию девушки и отправился к Жаворонкову. Ему повезло, капитан оказался на месте и даже свободен. Объяснив деликатность просьбы, Стас выложил перед ним фотографию. Тот достал мобильный телефон, сделал копию снимка и заявил, что обработать его всеми имеющимися программами он сможет достаточно быстро, а вот на сортировку уйдет куда больше времени.

– Ты, главное, по соцсетям прогони, а уж с сортировкой я и самостоятельно справлюсь, – опрометчиво заявил Крячко.

О том, как сильно погорячился с последним заявлением, он узнал спустя десять минут. Ровно столько времени понадобилось капитану, чтобы прочесать виртуальное пространство. В итоге он предоставил Крячко больше десяти списков людей из десяти социальных сообществ, имеющих схожие с трупом черты лица. И каждый из списков насчитывал не меньше двухсот анкет. Такую неточность работы программ Жаворонков объяснил тем, что фото девушки изготовлено посмертно, и, видимо, это сказалось на результатах.

Крячко принялся стонать и жаловаться на то, как друг и соратник Гуров мало того что лишил его законных выходных, навязав никому не нужное дело, так еще и задания между ними несправедливо разделил. Сам, мол, поближе к свежему воздуху и травке отправился, а его, Стаса, в душном помещении оставил, наедине с десятками, а то и сотнями двойников погибшей девушки. Жаворонков, будучи человеком отзывчивым, готов был предложить Крячко помощь, и тот, несомненно, на эту помощь согласился бы, но в самый неподходящий момент в кабинет Жаворонкова завалились трое оперов и два дознавателя, и все с неотложными делами. Так как дело Крячко было категорически запрещено афишировать, ему пришлось молча забрать результаты поиска по социальным сетям и отправиться обратно в кабинет.

Засев за компьютер, он начал с самых популярных социальных сетей. Правда, по ним результат оказался более расширенный, но и вероятность, что именно там найдется нужный человек, была куда выше. Стас тщательно и методично изучал каждую претендентку, придирчиво разглядывая цвет волос и оттенок глаз, ширину бровей и остроту подбородка, потом начал рассылать сообщения незнакомкам. Содержание их не менялось, Крячко писал что-то типа «здравствуйте, как ваши дела», собираясь отсеивать тех, кто откликнется на рассылку. Спустя полчаса из тех, кому Крячко отправил сообщения, ответ пришел только от троих. Тогда он подумал, что отсутствие фото может негативно отразиться на результатах поиска, и, взвесив все «за» и «против», прикрепил к только что созданному аккаунту фотографию одного из сотрудников оперативно-следственного отдела, парня молодого, симпатичного и по всем параметрам привлекательного. Теперь ответы стали появляться чаще, но все равно серьезного отсева, на который надеялся Стас, не произошло.

И тут ему в голову пришла гениальная мысль: почему бы не прогнать снимки найденных претенденток и снимок жертвы через программу, используемую для поиска преступников в базе данных. Он тут же сорвался с места и вновь помчался к Жаворонкову. Но, увы, на месте капитана уже не было. Его помощник, старший лейтенант Пылаев, выслушав гневную тираду из уст Крячко, вызвался решить проблему полковника вместо Жаворонкова. Плюнув на осторожность, Крячко выложил Пылаеву суть проблемы. Оказалось, лейтенант тот еще хакер, и для него замутить какую-то программную проверку все равно что меда наесться.

Спустя двадцать минут оба, Крячко и Пылаев, сидели в кабинете оперов-«важняков» и изучали результаты совместного труда.

– Уверен, что это она? – в третий раз за последние пять минут спросил Станислав.

– Железно, товарищ полковник! – в очередной раз уверенно кивнул Пылаев.

– Вот собака! – выругался Крячко.

Расстроило его то обстоятельство, что девушка, которую выдала программа, состряпанная Пылаевым, была невероятно красива. Красива и молода. И Крячко казалось несправед-

ливым, что такой красоты больше нет на этом свете. Еще сильнее его огорчало предположение, что эта красота ушла в мир иной не естественным путем, а стала жертвой какого-то злого умысла. А ведь умысел мог быть. Пусть пока он не понимает, какой резон убивать девушек, да еще столь изощренным способом, но ведь и отметить подобный поворот событий тоже не может. А это значит, что кто-то мог позариться на такую красоту. Позариться и уничтожить.

– Гадство! – вновь выругался Стас.

Лейтенант молча открыл страничку девушки в социальных сетях. Там она была зарегистрирована под ником «Натэлла Кокс», указанный возраст подходил под тот, что зарегистрировал полицейский из опергруппы и подтвердил патологоанатом. В друзьях на ее страничке числилось не меньше двухсот человек.

– Общительная девушка, – прокомментировал Пылаев.

– Была, – напомнил Крячко. – Как думаешь, кто из них реально ее друзья?

– Ну в статусах ни один человек ни лучшим другом, ни родственником не отмечен, – просматривая страницу, ответил лейтенант.

– Черт, как же тогда нам родню искать? Зачем вообще столько друзей, если ни один из них тебе не дорог настолько, чтобы ты его из толпы выделил? – запыхтел Станислав. – Не понимаю я вас, молодежь. Заменили живое общение суррогатом виртуальным, а нам, честным операм, теперь мучайся. Сколько времени должно пройти, чтобы кто-то из так называемых интернет-друзей обратил внимание на то, что ты исчез?

– Думаю, месяц, а может, и больше, – пожал плечами Пылаев. – Все зависит от того, насколько активен ты был в Сети до исчезновения. Да и потом, вряд ли беспокойство зайдет дальше отправленных в личку сообщений. Спросят пару раз, куда пропал, и забудут.

– И как тогда прикажешь ее искать? – продолжал сердиться Крячко. – Это ведь единственная наша зацепка.

– По городу посмотреть можно и по фоткам, – предложил лейтенант.

– Так смотри, – поторопил Крячко.

– Простите, товарищ полковник, но это вы уж сами. Мне в отдел пора. Сейчас товарищ капитан вернется, а у меня еще отчеты не готовы.

Крячко понимал, что не в отчетах дело, просто интересная часть работы закончилась, а перспектива возиться с муторным сопоставлением фоток из альбомов подруг Натэллы Пылаева, как видно, не вдохновляла. Впрочем, как и самого Крячко. Он только собрался сказать, что сумеет договориться с капитаном, как лейтенант быстренько слинял из кабинета, оставив Станислава наедине с его проблемами.

– Ладно, черт с вами, справлюсь сам, – проворчал он и, выставив нужные фильтры, вновь погрузился в поиски.

Спустя некоторое время он выписал на листок два женских имени и одно мужское. Анастасия и Виолетта привлекли его внимание тем, что мелькали почти на всех наиболее поздних фото со страницы Натэллы. Мужчину же внес в список лишь потому, что молодой человек оказался единственным другом Натэллы мужского пола. Используя все то же прикрытие в виде симпатичного и молодого оперативника, Крячко отправил всем троем сообщения одинакового содержания: «Не могу найти Натэллу. С ней все в порядке?» И после этого стал ждать, кто из выбранных кандидатов клюнет первым.

Первое сообщение пришло тридцать минут спустя. Девушка по имени Анастасия вышла в Сеть с мобильного устройства. Крячко наблюдал за мерцающим индикатором, сообщающим о том, что девушка в Сети. Какое-то время она никак на послание не реагировала. Затем не удержалась от любопытства и заглянула на страничку Крячко. Там тоже ничего интересного не нашла и ушла из Сети, не удостоив его ответа. Однако спустя десять минут вернулась вновь. И снова зашла на страницу Крячко. Видимо, созвонилась с Виолеттой, так как у той тоже активировался статус в Сети. Теперь они изучали фото на странице Крячко вдвоем.

И вот, когда Стас готов был отправить обеим девушкам повторное сообщение, Анастасия ответила ему. Правда, строго говоря, ее послание никак нельзя было считать ответом, но это был все же отклик. Добрых десять минут девушка ходила вокруг да около, пытаясь выяснить, кто такой Крячко и зачем ищет Натэллу. Почему не может позвонить ей на мобильный, и откуда он вообще взялся. Вопросов было больше, чем ответов, но, когда дело требовало, Крячко мог быть достаточно терпеливым. Его терпение окупилось с лихвой. В конце концов, девушки признались, что Натэлла пропала в неизвестном направлении и они беспокоятся, не случилось ли с ней настоящей беды. А так как ни адреса, ни телефона родственников пропавшей девушки у них нет, они совершенно растеряны и не знают, что делать.

Получив это признание, Крячко как настоящий джентльмен заявил, что готов взять на себя беспокойство о судьбе Натэллы и поиск ее родственников, если девушки расскажут о подруге все, что знают. Не то, что написано на ее странице, а то, что составляет ее настоящую жизнь. Девушки согласились рассказать все, что знают, но только при личной встрече. Крячко не возражал. Назначив местом встречи ближайший к Петровке парк, он оставил компьютер включенным и отправился на свидание с подругами Натэллы Кокс, девушки из Царицынского морга.

Глава 3

С оперуполномоченным ОВД района «Марьинский парк» Гуров встретился на месте происшествия. Раньше ему встречаться с капитаном Стерниковым не доводилось, но перед встречей он навел о нем справки, и то, что услышал, совершенно не вдохновляло. В отделе Стерникова считали опером ленивым и мало пригодным к розыскной работе, но, видно, у капитана в нужных кругах имелась крепкая волосатая рука, раз, несмотря на все его промахи и неудачи, он все еще оставался оперативником. Ощутить на себе степень безделья Стерникова Гурову пришлось еще на стадии телефонного звонка. Если бы не звание полковника, капитан и пальцем бы не пошевелил, но под давлением полковничьих звезд ему все-таки пришлось оторвать задницу от теплого кресла и прикатить в парк.

Приехал Стерников не один, а с молодым лейтенанчиком, совсем еще желторотым юнцом, только-только вышедшим из стен учебного заведения. Поздоровавшись с Гуровым, капитан передал ему папку с делом, заявив при этом:

– Тут копии, можете не возвращать. Тело обнаружила местная бомжиха по кличке Мусорка. Неизвестная сидела на скамейке, личных вещей при ней не обнаружено. Все это запротоколировано, подробнее сможете ознакомиться в более удобной обстановке.

– Эта Мусорка могла забрать вещи девушки? – спросил Гуров.

– Запросто, – ответил Стерников.

– Вы пытались это выяснить?

– Так точно. Досмотр провели на месте, потом еще в отделе с ней беседовали. Факт присвоения чужой собственности гражданка Мусорка отрицает, – доложил капитан и тут же перевел разговор: – Проводить вас на место происшествия?

– Для этого я вас и вызвал, – более сухо, чем планировал, произнес Гуров.

Стерников зашагал в направлении аллеи, где были установлены новые скамейки. Гуров пошел следом, а молоденький лейтенантик решил проявить расторопность и вырвался вперед. У одной из скамеек остановился, поджидая оперов.

– Все произошло вот здесь, – указывая на скамью, сообщил он, как только Гуров и Стерников подошли ближе. – Неизвестная сидела у левого края, облокотившись на урну.

Стерников недовольно поморщился. То, что лейтенант вылез вперед, пришлось ему явно не по вкусу, но отчитать подчиненного при Гурове он не решился. Демонстративно остановился шагов за пять до скамьи и принялся сверлить лейтенанта сердитым взглядом, отчего тот сразу потерял желание рассказывать Гурову подробности. «Пожалуй, от Стерникова лучше избавиться, и чем быстрее, тем лучше», – подумал Лев, а вслух спросил:

– Лейтенант, вы выезжали на осмотр места происшествия?

– Так точно, товарищ полковник, – покосившись на Стерникова, ответил лейтенант.

– Тогда не станем задерживать капитана, вы ведь сможете описать все оперативные действия, проведенные на месте?

– Думаю, да.

– Вот и прекрасно. Для вас это будет хорошей практикой, а у капитана наверняка и без меня дел по горло, – подытожил Гуров. – Вы ведь не станете возражать, капитан?

– Как скажете, – заметно повеселев, отозвался Стерников. – Значит, я могу идти?

– Разумеется. Если вы мне понадобится, я вам позвоню.

– Рад был познакомиться, – с нескрываемым облегчением произнес капитан, развернулся и зашагал прочь, подальше от полковника и его пытливого взгляда.

Гуров дождался, пока он скроется из виду, после чего перевел взгляд на лейтенанта, лицо которого в отсутствие начальства стало более осмысленным, и спросил:

– Тебя как зовут, лейтенант?

– Зубарев, – представился тот. – Лейтенант Иван Зубарев.

– Первый год на оперативной?

– Так точно.

– Отлично, значит, последовательность осмотра места происшествия должен помнить назубок. Начинай, Зубарев!

– Прямо как по учебнику? – немного растерялся тот.

– Как по учебнику, лейтенант, – улыбнулся Гуров.

Зубарев глубоко вздохнул и принялся докладывать. Звонок в дежурку поступил в двадцать три пятнадцать из «Скорой», которую вызвали прохожие под настоятельные крики бомжихи Мусорки. На место происшествия выехала оперативная бригада. К моменту приезда на месте происшествия собралась небольшая толпа запоздавших прохожих, но гвоздем программы была Мусорка. Пока ее не увезли в участок, она буквально рта не давала никому открыть, все кричала, что это ее находка и по закону ей полагается двадцать пять процентов того, что обнаружится при «покойнице».

При опросе оказалось, что ни один из прохожих не является свидетелем происшествия. На сидящую на скамье девушку они обратили внимание только после того, как бомжиха начала орать на весь парк, призывая на помощь. Тело осмотрели, обнаружили рассечение теменной части черепа. Кровь на ране уже запеклась, ни на урне, ни на скамье, ни возле нее следов крови не обнаружили, что позволило сделать вывод: труп переместили, и рану она получила не здесь. Выяснив это, капитан Стерников, командовавший парадом, отдал приказ вызвать «труповозку» и на этом осмотр места происшествия завершить. С трупом оставили лейтенанта, он дождался санитаров из морга, сдал тело и уехал в отдел.

На вопрос, удалось ли что-то обнаружить при осмотре места происшествия, тот смущенно потупился и ответил отрицательно. Гурова такой ответ не устроил, и он потребовал подробности. Оказалось, что осмотр поручили ему же. Стерников заявил, что он вполне справится с задачей не подпускать к телу любопытных и одновременно «прошвырнуться до соседних лавочек». Так он выразился. Лейтенант сделал все, что смог. Выпотрошил урну, на которую облакачивался труп, пошарил под скамейкой, прошелся вдоль аллежки метров по пятьдесят в каждую сторону, но, кроме бытового мусора, накопившегося за прошедший день, ничего подозрительного не обнаружил. На этом осмотр и закончился.

Встретившись с хмурым взглядом Гурова, лейтенант скороговоркой выпалил, что, мол, еще не поздно все исправить. Насколько он может судить, с ночи дворники еще не успели потрудиться над аллеей, а это дает шанс обнаружить то, на что он, Зубарев, не обратил внимания при первом осмотре. Выбора у Гурова не было, пришлось принять предложение лейтенанта. Ориентируясь на оперативный опыт, Лев приказал лейтенанту начать осмотр с соседних урн и продвигаться от ближних к дальним, параллельно осматривая зеленые ограждения в виде ленты кустов пятидесятисантиметровой высоты, отделяющей парковую зону от проезжей части.

С осмотром провозились больше часа. В одной из урн обнаружили новую визитницу из золотистого материала. Она была пуста, но на внутренней стороне имелась дарственная надпись: «Светланка, помни: мы всегда рядом». Это был весь улов, но Гуров был рад и этому подарку.

– Запомни, лейтенант, никогда не пренебрегай осмотром места происшествия, – держа двумя пальцами находку, наставительно произнес он. – Научись уделять внимание мелочам, далеко пойдешь. Теперь у нас есть имя, а это уже кое-что.

– Да, но ведь не факт, что визитница принадлежит нашей неизвестной, – неуверенно произнес Зубарев. – Кто угодно мог выкинуть ее в урну, она ведь пуста. Вынули все важное и бросили в мусор.

– Молодо-зелено, – покачал головой Лев. – Включай мозги. Вещь новая, к тому же имен-ная. Это однозначно подарок, а от таких подарков, даже когда они приходят в плачевное состо-яние, девушки никогда не избавляются. Для памятных вещей у них есть специальные коро-бочки. Нет, лейтенант, эта вещь принадлежала покойной, и в урну она попала без ее согласия, а раз так, на вещице должны остаться отпечатки пальцев. Отдадим визитницу в экспертизу, получим результаты и, если повезет, узнаем имя преступника. Ну или того, кто последним прикасался к телу.

– Эх, жаль, не удалось отыскать ее вчера, – вздохнул Зубарев.

– Ничего, в следующий раз будешь внимательнее.

– И что теперь? – спросил лейтенант, поняв, что Гуров собирается уходить.

– Можешь возвращаться в отдел, – ответил Лев. – Твоя помощь больше не нужна.

– А можно мне с вами, товарищ полковник? – набравшись храбрости, выпалил Зубарев. –

В отделе для меня все равно работы нет.

– Вот как? Неужели у капитана не найдется для тебя какой-никакой работы? – усмехнулся Гуров. – Хоть бумажки заполнять.

– Бумажки! Этого добра там хватает, только такая работа мне и светит. Вы правы, вряд ли товарищ капитан одобрит мое отсутствие.

Зубарев уныло вздохнул. Было видно, что ему до смерти хочется поработать с полков-ником, но пойти наперекор начальству он не посмеет и навязываться в провожатые больше не станет.

– Что приуныл, лейтенант? – заулыбался Лев. – Хочется посмотреть, как работают насто-ящие опера?

– Так точно, товарищ полковник, – не надеясь на поддержку, произнес Зубарев.

– Ладно, оставайся. С капитаном я договорюсь.

– Правда? Я могу остаться?

– Можешь. Если капитан тебя хватится, я замолвлю словечко. А сейчас поедem в отдел, нужно выяснить, кто распотрошил визитницу неизвестной.

В отделе Гуров сразу отправил находку в лабораторию, предупредив, что дело срочное, и спустя всего полчаса получил результат. На визитнице эксперты обнаружили вполне при-личные отпечатки пальцев, по крайней мере, двух человек. Первые принадлежали женщине и совпадали с отпечатками пальцев неопознанного трупа из морга. Гуров не ошибся: визитка принадлежала «подопечной» Юркова. Второй комплект отпечатков принадлежал мужчине. Их прогнали по базе и получили совпадение. Им оказался вор-карманник по кличке Стеба.

Со Стебой Гуров знаком не был. Он давно не занимался карманными кражами, поэтому вызвал к себе следователя Ратчикова, чтобы тот нарисовал ему психологический портрет вора. То, что Стебой заинтересовался убойный отдел, Ратчикова крайне удивило. По его словам выходило, что тот никак не мог быть виновным в нападении на человека. Подрезать «лопат-ник» у трупа – это легко, но чтобы самому угробить кого-то? Нет, на это он был не способен.

– Слишком романтическая натура, – так выразился Ратчиков.

– Значит, он вытащил визитницу уже после того, как девушка умерла, – разочарованно произнес Гуров. – И для нас он, скорее всего, бесполезен.

– Думаю, навестить его все же стоит, – покачал головой Ратчиков. – Есть у Стебы одна странность, которая много раз приводила его на скамью подсудимых и от которой он никак не может избавиться.

– Что за слабость? – заинтересованно спросил Лев.

– Он своего рода коллекционер, – ответил Ратчиков. – Кошельки, бумажники, сумочки – все это он выбрасывает почти на месте. Извлечь все ценное успевает за несколько минут, а потом от чужой вещи избавляется. Но обязательно что-то оставляет на память о своей жертве – визитку, клубную карту, памятную открытку или брелок с ключами. Что-нибудь, что будет

напоминать ему о конкретном «спонсоре», как он сам называет ограбленных им людей. Такая вот странность. Возможно, он что-то прихватил и в этот раз. Надо просто поехать к нему домой и устроить маленький обыск. Ну и допрос, разумеется.

– В любом случае Стеба – наша единственная зацепка, – подытожил Гуров. – Надо ехать.

– Простите, но это без меня, – протестующе выставил ладонь вперед Ратчиков. – У нас со Стебой личные счеты. Появитесь у него в моей компании, он вам ничего не скажет.

– Ладно, справлюсь, – кивнул Лев. – Где его искать, хоть подскажешь?

– Это легко. – Ратчиков взял чистый лист и принялся чертить на нем подробный план, одновременно давая пояснения: – Доехать нужно до Западного речного порта. Дом, где обосновался Стеба, находится между самим портом и станцией метро «Фили». Строение добротное, но его апартаменты располагаются в чердачном помещении. Уж не знаю, как вышло, что чердак отдали Стебе, но так оно и есть. У него и документы имеются, и коммуникации подведены. Попасть к нему можно из центрального подъезда, всего их три. Сам же он имеет выход на крышу и в случае опасности, а ее он чует за версту, может воспользоваться любым из подъездов. Так что советую взять побольше людей, если действительно хотите побеседовать с ним.

– Все-таки хочешь предложить свою помощь? – пошутил Гуров. – Не можешь отказать себе в удовольствии погоняться по крышам за давним недругом?

– О нет! Такого желания не имею и вам желаю этот этап проскочить, – заулыбался в ответ Ратчиков. – В принципе Стеба парень неплохой. Только бегать шибко любит, так что не начинайте разговор с перечисления грозных полицейских регалий, тут же в бега подастся. И в форме к нему лучше не соваться. Всех, кого с собой возьмете, переоденьте в штатское.

Ратчиков ушел. Гуров заглянул к Крячко узнать, как продвигаются дела. Тот находился еще в самом начале поисков, так что порадовать товарища ничем не смог. Поняв, что Крячко в деле поимки Стебы не помощник, Лев решил рискнуть отправиться к нему в одиночку. Вернее, не совсем в одиночку, а в компании с лейтенантом Зубаревым. Генерал Орлов запретил привлекать к расследованию оперов из отдела, но запрета на использование сторонних помощников не оглашал, так что Гуров посчитал возможным взять с собой салагу. «Пусть учится, – решил он. – Все лучше, чем штаны в кабинете просиживать».

Последнюю неделю Стебе везло. Такого фарта он не испытывал давненько. За четыре вылазки четыре штуки баксов наличкой – улов по нынешним временам весьма внушительный. Сейчас все предпочитали держать наличку на банковских счетах, а вскрывать чужие банковские карты – это уже совсем другая специализация. Да, нынче профессия щипача стала уже не та. Никакой романтики, никакого адреналина. Вот раньше – это да!

Выберешь себе господина в дорогом прикиде или дамочку с крупными камушками в ушах и присматриваешься, любишься, как он каждые две минуты похлопывает себя по нагрудному карману стильного пиджака или ощупывает карманы брюк, сам не осознавая того, что добровольно облегчает этим работу щипача. Ну а когда тот определится, откуда «гомон» тянуть, тогда и начинается самое веселье. Подобраться поближе, но так, чтобы для «машки», потенциальной жертвы, стать как бы невидимкой, притереться или на подножку трамвая подсадить, мол, проходите, гражданка, пропускаю. И в этот момент пальчиками поработать, избавить гражданина или гражданку от необходимости думать да гадать, куда бы повыгоднее бабки вложить. А она еще и благодарит тебя за услужливость.

Сегодня красота из профессии щипача ушла. Кого он, знаменитый вор-карманник Стеба, «чистит» теперь? Престарелых одиноких старцев и старух, которые по старинке завязывают одинокие рубрики в тряпичный узелок. Юнцов-малолеток, выцыганивших у предков бабло на новую примочку для компа. Дородных матрон, шатающихся по продовольственному рынку, где картой не расплатишься, а много ли с таких возьмешь? Да и красоты в этом особой нет. Есть, правда, еще одна категория доверчивых граждан, чьи кошельки и сумочки все еще встре-

чаются с наличкой. Это приезжие, но на них спрос большой, а территории нынче поделены так, что и не могли на чужой каравай рот открыть. Возьмешь на крючок такую вот красотку, а она по всему городу колесит, хрен угонишься, и непонятно, твоя ли она еще жертва или уже другого шипача, так как границу раз пятнадцать перешла.

От такого расклада Стеба начинал впадать в уныние: куда катится мир? Скоро, говорят, вообще от «живых» денег откажутся, на криптовалюту перейдут, а биткоин в карман не положишь и в кошелек не засунешь. Уже сейчас все чаще его вылазки приносили какую-то мелочь и кучу пластиковых карт в придачу. Конечно, Стеба мог бы скооперироваться с ловкачом по части подбора пин-кода, любой в воровской среде почел бы за честь работать в паре с ним. Но вся беда в том, что он по жизни считал себя одиночкой, действовал в одиночку и учиться новым трюкам желанием не горел. Время от времени, когда «получка» выходила совсем уж смешная, а банковские карты так и перли в руки, Стеба снисходил до «общака», привлекая к работе Крайчика.

Крайчик воровскому миру не принадлежал, не имел ни одной отсидки и вообще не считал себя вором. Предпочитая называться авантюристом виртуального мира, он на самом деле являлся простым мошенником. Нет, не простым, а весьма изобретательным мошенником. С Крайчиком Стеба познакомился несколько лет назад при весьма своеобразных обстоятельствах. Он подрезал у него «лопатник», от которого тут же избавился, но по привычке прихватил на память сувенир, шикарную визитку какого-то магазина электроники. Не смог устоять, так она была хороша: на кипенно-белом фоне тончайшая нить золотых букв, при изменении угла обзора превращающаяся в цвет воронова крыла. Стеба сам был художником своего дела, оттого высоко ценил художественный подход в работе других, а вещица была явно эксклюзивной работы.

А спустя полчаса к нему в дверь постучал тот самый парень, которого он лишил кошелька и шикарной визитки. Стеба был настолько удивлен появлению своей жертвы, что даже не смог этого скрыть. А тот спокойно зашел к нему в квартиру, расположился на кухне, как у себя дома, и вместо того, чтобы потребовать возврата налички, попросил угостить чаем. Единственный вопрос, который интересовал в тот момент Стебу: как? Как парень сумел выйти на него, да еще в такой короткий срок? И Крайчик охотно его просветил. Все дело оказалось в той самой шикарной визитке. Парень заказал ее как раз для таких случаев, снабдив системой слежения. С этого и началась их странная дружба.

Сейчас же Стеба сидел у окна своего «пентхауса», как в шутку Крайчик именовал жилище карманника, и поджидал приятеля. Вчера он притащил домой несколько сувениров и хотел, чтобы Крайчик проверил их на предмет отслеживания. В подобных шнягах вор до сих пор не разбирался, хотя Крайчик и пытался научить его вычислять с первого взгляда, опасен ли приглянувшийся талисман.

Несмотря на то что Стеба практически не отводил взгляда от окна, тем не менее появление полковника Гурова пропустил. Когда он заметил парнишку, трущегося возле крайнего подъезда и отсвечивающего красной полоской форменных брюк, Гуров уже поднялся на последний этаж, и от двери квартиры карманника его отделял всего один пролет. Этого Стеба не знал, но у каждого уважающего себя вора в таких случаях срабатывал природный инстинкт, а Стеба был не просто вором, он был уникальным вором, и его инстинкты работали как надо.

– Черт, – прошептал он. – Черт, черт, черт! Ты снова вляпался, приятель! Давай выбирайся отсюда, пока не поздно.

Четким, выверенным движением выдвинул верхний ящик письменного стола, выдернул оттуда небольшую сумку, перебросил ляжку через шею на плечо и рванул к двери. Беззвучно отжал защелку и приоткрыл дверь. Нешироко. Лишь настолько, чтобы получить обзор лестничного пролета. Увидел, как мужчина в возрасте выходит из лифта, и тут же понял: это за ним. Проход на крышу находился всего в паре метров от двери, за которой стоял Стеба. Тол-

стенный стальной прямоугольник противопожарной двери, изготовленной по спецзаказу добросовестным управляющим. С добротным современным замком и мощной пружиной. Стеба мысленно оценил свои шансы. Незваному гостю до выхода на крышу ненамного дальше, но у него, Стебы, есть преимущество: дверной замок не защелкнут, а лишь слегка вдавлен в паз, об этом он позаботился заранее. Собственно, ради этого в свое время и согласился обменять квартиру покойной тетушки, расположенную тремя этажами ниже, на чердачное уединение. И потом, он знает, что ожидает его на крыше и как нужно действовать, чтобы уйти от преследователя, а незнакомец понятия не имеет, с чем столкнется, оказавшись за чердачной дверью. Конечно, было бы лучше свалить до того, как незнакомец вышел из лифта, но теперь уже ничего не изменишь.

Размышления заняли не более десяти секунд, после чего Стеба резко толкнул дверь от себя и в два прыжка оказался у металлического блока. Ухватившись двумя руками за массивную ручку в виде длинной трубы, он с силой дернул дверь на себя. Краем глаза успел заметить, как незнакомец вскинул голову, сообразил, что происходит, и бросился вверх по лестнице. Массивная дверь поддалась с первого рывка. Распахнулась, с грохотом ударившись о стену, и под давлением пружины пошла назад. Рискуя остаться без пальцев, Стеба дернул язычок защелки, в последний момент успев проскользнуть в проем.

Щелчка замка он не услышал. Это означало, что маневр не сработал, дверь осталась незапертой. «Хреново, – на ходу подумал Стеба. – Выиграть время не удалось. Ладно, где наша не пропадала? Действуй по обстановке». Ему не в первый раз приходилось рвать когти из собственного жилья, так что план отхода он знал назубок. Каждый этап – от начала до конца. В первую очередь нужно успеть добежать до чердачной двери соседнего подъезда раньше, чем преследователь выскочит на крышу. Затем посильнее хлопнуть ею и нырнуть в укрытие. Об этом укрытии Стеба позаботился лично. Выставил огромный металлический ящик возле кирпичной вентиляционной камеры, рассчитал время, которое требуется для того, чтобы успеть распластаться за ним. Позаботился и о возможности наблюдения.

Он несся по плоской крыше, уже не прислушиваясь к тому, что творится за спиной. Подскочил к двери, дернул ручку. Дверь отлетела, с силой впечатавшись в стену. Вниз посыпались осколки отбитого кирпича. Оттолкнувшись от поверхности крыши, Стеба перелетел через металлический ящик и за секунду до того, как показался незнакомец, приземлился точно между ящиком и вентиляционной камерой. И замер, боясь даже дышать, чтобы не выдать своего местонахождения.

«Давай же беги в подъезд! Катись вниз по лестнице и не оглядывайся! – наблюдая за приближением незнакомца, гипнотизировал его Стеба. – Иди вниз!» Поначалу ему показалось, что так все и будет. План работает, и ему удастся пустить незваного гостя по ложному следу, чтобы самому уйти другим путем. «Раньше получалось, и теперь работает, – мысленно успокаивал он себя. – У меня сейчас полоса удачи, уже несколько дней. Не может быть, чтобы не сработало». Но на этот раз удача от него отвернулась. Незнакомцем, ведущим преследование, был полковник Гуров, а его не так-то просто сбить со следа.

Когда Гуров поднялся на лифте до последнего этажа, он решил воспользоваться помощью соседей. Не хотелось спугнуть Стебу. Одно дело, когда в твою дверь тарабанит незнакомец, и совсем другое, когда сосед снизу зайдет. Собственно, это решение и дало Стебе фору, которой тот так ловко воспользовался. Стоя на лестничной клетке и решая, в какую квартиру позвонить, Лев вдруг услышал едва уловимый скрип. Звук шел сверху. Он поднял глаза и увидел, как человек с сумкой наперевес выскочил из квартиры и бросился к пожарной двери. Разумеется, это был Стеба. «Спугнул-таки, – расстроено подумал Лев. – Теперь гоняться за ним придется».

Он даже кричать не стал. Что без толку горло драть? Все равно не остановится. Вместо этого бросился вдогонку беглецу и увидел, как тяжелая металлическая дверь скользнула, едва

не прихлопнув своей массой щуплого Стебу. Дверь хлопнула, раздался слабый шелчок. «Так, защелка на месте, – догадался Гуров. – Теперь не торопись, иначе заблокируешь дверь». Он похлопал себя по карманам, сейчас ему требовалось что-то плоское, чтобы остановить движение замочного язычка. Выудив из нагрудного кармана пластиковую карту, аккуратно просунул ее в зазор между дверью и косяком, неспешно провел вниз до замка, слегка изменил угол наклона и одновременно с этим дернул ручку. На короткий миг ему показалось, что ничего не выйдет: язычок войдет в замочную скважину, а ему придется бежать вниз по лестнице и надеяться на то, что карманник воспользуется выходом в другом подъезде. Но нет, замок отщелкнулся в тот момент, когда дверь уже распахнулась.

Облегченно выдохнув, Лев выскочил на крышу. Дверь, ведущая в соседний подъезд, как раз закрывалась. «Проклятье! Я так и буду гоняться за этими идиотскими дверями?» – бросаясь вперед, раздраженно подумал он и успел перехватить дверь до того, как она захлопнется. Вновь открыл ее и сделал шаг вперед, но внезапно остановился. Замер, прислушиваясь. В подъезде стояла гробовая тишина. Гуров перешагнул порог, держа в поле зрения и подъезд, и крышу одновременно. Он понимал, что Стеба где-то затихарился. Но где? В подъезде на верхней площадке подходящих мест явно не было. Разве что кто-то из жильцов четырех квартир имеет договоренность с карманником и сейчас прячет его в шкафу.

«Нет, это слишком сложно», – решил Лев и вернулся на крышу. Чтобы перестраховаться и оставить дверь открытой, он подложил под нее отбитый кирпич. Мало ли, вдруг понадобится? Затем отступил на два шага назад. Крыша имела несколько мест, пригодных для того, чтобы спрятаться: высокий фигурный выступ на границе разделения подъездов, целый лес спутниковых антенн, закрывающих объемным диаметром приличную часть обзора, несколько вентиляционных шахт, возвышающихся на добрый метр, да еще сами коробки входов на технический этаж. Стеба мог быть в любом из этих мест, но Гуров не спешил. Он повторно пробежался глазами по крыше, что-то в ее внешнем виде настораживало полковника, цепляло глаз, заставляло всматриваться более пристально.

«Вот оно! Ящик. Кому он тут понадобился?» Металлический ящик действительно был не к месту. Туда-то Гуров и направился. Стеба понял, что раскрыт, быстро перекатился за стену вентиляционной кабины, вскочил на ноги и понесся обратно к пожарной двери. Он надеялся успеть заскочить в подъезд и на этот раз воспользоваться замком. Лев бросился ему наперерез. Стеба вильнул в сторону, уклоняясь от тянущихся к нему рук, понял, что до двери ему не добраться, обогнул очередную вентиляционную шахту и помчался к третьей двери. «Последний шанс, – подгонял он себя. – Последний шанс. Гони, Стеба, гони!» Как бы противореча этим невысказанным словам, Гуров громко закричал:

– Стой, Стеба, стой, тебе говорят! Слетишь с крыши!

Тогда Стеба решил пойти ва-банк. Он метнулся к ближайшей вентиляционной шахте и выпалил что есть мочи:

– Стой, ментяра, я вооружен! Еще шаг, и я тебя пристрелю!

Гуров остановился, но не потому, что поверил Стебе, просто решил сменить тактику. Весь день гоняться за Стебой по крыше его не вдохновляло. Остановившись на полпути, он сделал шаг назад, облокотился на стену вентиляции и заговорил:

– Чего ради ты решил пистолетом мне погрозить? Неужто настолько прощтрафился?

Стеба в ответ фыркнул и хамовато произнес:

– Ты меня ни с кем не попутал, мент? Я – вор авторитетный. Не форточник какой, я вор-карманник, и с тобой, падалью красной, базар вести не стану.

– Тогда бы стрелял уж, что ли? – усмехнулся Лев. – А то еще ненароком увидит кто-нибудь тебя в моем обществе – а я, знаешь ли, в своих кругах тоже не из последних ментов, – так решат, что я тебя уже завербовал.

– Разойдемся миром, – предложил Стеба. – Ты к себе, я к себе. И никому не накладно.

– Не могу, Стеба. Рад бы, да не могу. Мне найти кое-кого требуется, а помочь в этом можешь только ты. Помнишь девушку на аллейке в Марьинском? Вот ее мне найти нужно.

– А чего ее искать? – Голос Стебы несколько напрягся. – Сам же сказал, что она на аллейке. Иди туда, чего по моей крыше сайгачить? Сюда она точно не забредала.

– Она в морге, и ты это знаешь, – спокойно произнес Гуров. – Только опознать ее не удалось. Родственникам и то сообщить не можем.

– Мое какое дело?

– А такое, что ты у нее кое-что забрал. Я хочу знать, что именно.

– Послушай, мент, я скажу раз и повторять не стану. Девку твою не трогал, я не по «мокрому», сам знаешь. А что тебе показалось или птичка на хвосте принесла, что я вроде как возле нее терся, так это туфта все. Не было меня там, усек?

Судя по голосу, Стеба несколько расслабился, поняв, что серьезных предъяв незнакомый опер выдвигать не будет. В свою очередь, Лев понял, что чересчур сильно кочевряжиться Стеба не станет. Пообещать ему закрыть глаза на данный факт присвоения чужого имущества, и он расскажет, как все было. Только вот Лев не знал, насколько на самом деле Стеба замешан в этом деле. Инстинкты и профессиональный опыт говорили за то, что Стеба всего лишь обшмонал жертву, когда та была уже мертва. А если нет? Если Стеба все же каким-то образом замешан в этом деле?

С другой стороны, он являлся обладателем личных вещей погибшей. Эти вещицы могли не только помочь опознать погибшую, но и пролить свет на причину ее смерти. Может, в той визитнице девушка хранила фото своего возлюбленного, который впоследствии ее и убил? Или записку с угрозами от какого-то навязчивого ухажера? Или еще что-то, что поможет определить причину, по которой молодая девушка сидела в том парке, а ее голова оказалась пробита. Конечно, можно было обойтись и без Стебы, но этот вариант наверняка окажется более долгим и менее продуктивным. Взвесив все «за» и «против», Гуров решил открыться Стебе.

– В урне нашли визитницу девушки. На ней твои отпечатки пальцев. Готов забыть о том, что установила экспертиза, в обмен на предметы, извлеченные тобой из визитницы, – решительно заявил он. – Расскажешь все, отдашь то, что взял у этой девушки, и на этом наше знакомство закончится.

– Так я тебе и поверил, мусор! – рассмеялся Стеба, но смех вышел натужный.

– Зря отказываешься, это твой шанс. Охота тебе за чужое преступление срок тянуть? Стоит мне подшить к «мокрому» делу бумажку с твоими пальчиками, и ты автоматически из разряда карманников перейдешь в разряд «мокрушников». А в зону слушок пуцу, что девку в расход за пустые визитки пустил.

– О, теперь мы угрожаем, – ошетинился Стеба.

– Нет, Стеба, угрожать я тебе не собираюсь, и бодаться с тобой у меня времени нет. Просто показываю все варианты, – невозмутимо проговорил Лев.

– Да пошел ты, мент! Доказать мою причастность тебе все равно не удастся.

– Я знаю, что ты ее не трогал, а вот капитан, который ведет это дело, вряд ли станет отказываться от такого подарка судьбы. То, что ты честный вор, его не остановит, уж поверь мне на слово, имел неудовольствие с ним пообщаться. Он еще за тебя очередную звездочку получит.

– Чего это ты вдруг так обо мне забеспокоился? – подозрительно спросил Стеба. – То сам угрожал, а теперь вроде как жалеешь меня?

– Мы с тобой ходим по кругу. Я уже сказал: до тебя мне дела нет. Мне нужно узнать имя девушки, найти ее родственников и ее убийцу. Это все, чего я хочу. Ее визитница на срок не тянет, а ты со своими замашками все равно рано или поздно снова в тюрьму загремишь, так почему бы мне не закрыть глаза на то, что ты без разрешения порылся в вещах девушки, если это поможет узнать, кто она?

В этот момент пожарная дверь открылась, и из нее вышел молодой человек весьма привлекательной внешности. В потертых, но явно дорогих брюках, в стильной футболке и с коротким хвостиком на полувывернутой макушке. Портили парня лишь очки в массивной оправе из оргстекла и с толстыми бифокальными линзами.

– Стеба, ты здесь, стервец? – зычным голосом позвал он.

– Вали отсюда, придурок! – грубо, но как-то чересчур обеспокоенно прокричал из укрытия Стеба.

Ждать, пока прибывший парень послушает совета друга, Гуров не стал. В два прыжка подскочил к парню и выверенным движением выкрутил его правую руку.

– Какого хрена? – взвыл тот. – Стеба, что тут у тебя творится?

– Сюрприз! Позвольте представиться, полковник Гуров. А вы кто?

– Крайчик, если, конечно, вас удовлетворит никнейм, – начал парень.

– Молчи, придурок! Ничего ему не говори! – завопил Стеба.

– Выходи из укрытия, Стеба. Теперь мы на равных: у тебя есть то, что нужно мне, а у меня, похоже, то, что дорого тебе. Или я не прав? – спросил Гуров.

– Не могли бы вы повторить ваше имя? – неожиданно попросил Крайчик.

– Хочешь «погуглить» меня? – пошутил Лев.

– Возможно, – уклонился от прямого ответа Крайчик. – Так как вы сказали, полковник Гуров? Это с Петровки?

– Мы знакомы?

– Нет, что вы! Я простой законопослушный гражданин, ни в каком криминале не замешан – и уж тем более никоим образом не касаюсь вашей специализации, – поспешил возразить Крайчик.

– Ты что, знаешь его? – растерялся Стеба.

– Это же «важняк» с Главка, его каждый уважающий себя москвич знает, – сказал Крайчик. – Признайся, Стеба, ты вляпался в «мокруху»?

– Не гони фуфло, кретин! – огрызнулся Стеба.

– Тогда выходи. Если на тебе нет кровавых преступлений, полковник Гуров из убойного отдела тебе не угроза. Думаю, он пришел из-за той девушки?

– Черт, я же просил тебя заткнуться! – застонал Стеба и вышел из укрытия.

– Приглашай в гости, Стеба, нам есть о чем поговорить, – подытожил Гуров.

Он развернул Крайчика по направлению к пожарной двери и неспешно повел перед собой. Стеба, хоть и неохотно, поплелся сзади.

Глава 4

Оказавшись в родной квартире, Стеба удивительно быстро перешел на дружелюбный тон. Как будто это не он минуту назад скакал по крыше, пытаясь уйти от преследования, и человек, расположившийся в его гостиной, желанный гость, а не ненавистный опер с Петровки. А уж когда Гуров отпустил руку Крайчика, предварительно взяв с того слово сидеть смирно и не пытаться бежать, даже чаю предложил. От чая Лев предусмотрительно отказался. В его практике бывали случаи, когда с виду примирившийся преступник начинает вести себя дружелюбно, всеми силами изображая готовность к сотрудничеству, а потом подмешивает в чай сильнодействующее снотворное или колет его в мышцу, а потом либо сбегает, либо похищает самого полковника. Нет, на такие трюки он больше не попадается!

Крайчик, своеобразный приятель Стебы, тоже чувствовал себя вполне комфортно в обществе полковника полиции. Как только Гуров предоставил ему относительную свободу, он плюхнулся в кресло у окна и, широко улыбнувшись, спросил:

– Итак, с чего начнем, господа?

– Лично ты – ни с чего. Твое дело сидеть и помалкивать, понял? – покосившись на полковника, внушительно произнес карманник.

– Да брось, Стеба! – беспечно махнул рукой Крайчик. – Гуров – славный малый. Я уверен, он пришел к тебе по поводу той девицы из парка. Расскажешь ему все, что знаешь, а за это он простит тебе все твои мелкие шалости.

«Славный малый» Гуров хмыкнул, но промолчал. Стеба нахмурился, недовольный разговорчивостью друга, и только Крайчик пребывал в совершенно безмятежном состоянии. По одному ему понятной причине встреча с полковником его невероятно воодушевила, он буквально светился от счастья. Лев решил, что пришло время брать инициативу в свои руки.

– Садись, Стеба, разговор будет долгий, – приказал он, и карманник подчинился. – Расскажи, как ты нашел девушку.

– Без протокола, начальник?

– Без протокола.

– Лады, заметано. – Стеба слегка прикрыл глаза, будто это помогало ему вспомнить события прошедшего дня. – Я шел по аллее, вдоль скамеек. Их недавно обновили, а пока шел ремонт, народ успел отвыкнуть от этого места, так что сейчас там не особо многолюдно.

– Ага, и это на руку моему другу, – хохотнул Крайчик.

– Заткнись! – оборвал его Стеба.

– В котором часу это было?

– Не знаю. Не помню, – замялся карманник.

– Хотя бы приблизительно. Позже десяти?

– Еще не стемнело, но точнее не скажу, я в тот день вообще на часы не смотрел, да и в парк просто прогуляться зашел. Та деваха случайно мне на глаза попала. Сидела одна, рядом никого. Поздно, а она высиживает, будто поджидает кого-то. Я еще тогда подумал: все, мадам, продинамил вас ваш кавалер, валите до хаты. Потом обратил внимание на ее посадку, уж больно странно она выглядела: одета прилично, а урну чуть ли не мордой обтирает. Подумал, что уснула. Поближе подошел. Прошелся пару раз мимо, она не реагирует. Ну я решил немного поразвлечься, размять пальчики. Присел на лавку с противоположного края и вдруг понял, что деваха уже никого на этой скамье не дождет. Разве что «труповозку». Ну я взял то, что взял, и свалил.

– Тебя кто-то видел или ты кого-то видел? – задал очередной вопрос Гуров.

– Если специально не подсматривали, то нет. На аллее в тот момент было пусто, не считая местных бомжей. Была там одна, у самого входа в парк. Только она либо пьяная была, либо просто любительница на травке поваляться.

– А теперь перейдем к главному: что было в визитнице?

– Что и должно быть, – ответил Стеба. – Визитки были.

– Где они?

– Не для протокола?

– Стеба, не зли меня! Тащи сюда все, что есть.

Стеба помедлил, потом поднялся, пошарил за ковровой дорожкой, по старомодной привычке висевшей на стене, и вывалил перед полковником довольно внушительную стопку визиток.

– Это все ее? – удивился Гуров.

– А вот этого гарантировать не могу. Мне систематизацией заниматься некогда, – проворчал Стеба. – Большая часть ее, остальные... попали сюда за последние три дня. Весь этот хлам я собирался выкинуть.

– И тебе ничего не захотелось оставить на память о девушке?

– А зачем? Прибыли мне она не принесла, а спонсоров-банкротов запоминать нет смысла.

– Значит, ничего полезного в визитнице не было? – Стебе Лев не поверил, более того, он был уверен, что девушка не случайно спрятала визитницу на теле, а не убрала ее в сумочку, которую, кстати, на месте преступления не нашли.

Стеба замаялся, а Крайчик снова влез в разговор с репликой:

– Есть еще кое-что. То, что нужно вам. Только Стеба стремится поделиться находкой. Стыренные визитки – ерунда, а вот за другую вещицу и в казематы загреметь можно. Так ведь, Стеба?

– Да заткнешься ты уже? – огрызнулся тот, но по его лицу было видно, что он и сам готов отдать находку полковнику, только вот криминальный опыт удерживает. Он боялся, что, получив необходимое, Гуров забудет о своем обещании и передаст дело операм из местного отдела. И тогда ни одно слово Стебы ничего не будет стоить. Девушку обокрал? Обокрал. С места преступления сбежал? Сбежал. Значит, сиди. С другой стороны, собирался бы Гуров его закрыть, давно бы руки за спину заломил и в «воронке» до «обезьянника» спровадил. Нет, ему нужно совсем другое. Ему нужна информация, и раз уж Стеба сказал «А», пора говорить и «Б».

– Ладно, держи. – Он повторно сунул руку в тайник и, вытащив оттуда небольшой пластиковый прямоугольник, щелчком пальцев послал его Гурову.

Лев подхватил вещицу на весу, прихлопнул на ладони, потом открыл, взглянул на находку и выдохнул:

– Черт побери! Это же банковская карта! Считай, что имя девушки у нас в кармане.

– Вот и я о том же, – поддакнул Крайчик. – Правда, вам придется пообивать пороги, пока станете выбивать ордер на получение конфиденциальных данных у банка, затем провести несколько дней в ожидании решения, но потом сможете в полной мере насладиться победой.

Крайчик был прав, бюрократическая волокита затянет процесс надолго. Может, и не на двое суток, но для Гурова, имеющего в запасе не так много времени, любая задержка была нежелательна.

– А можете получить все и сразу. Без волокиты, запросов и молебных речей, – лукаво улыбаясь, продолжил Крайчик.

– Черт, только не это, Крайчик! – внезапно застонал Стеба. – Тебе что, челюсть жмет или экстрима тюремного захотелось?

– Расслабься, Стеба. Я вполне законопослушный гражданин, просто обладаю кое-какими приятными способностями, – возразил Крайчик. – Да не кипишуй ты! Когда еще мне доведется пообщаться в неформальной обстановке с настоящим полковником МУРа? Это же историче-

ское событие, если рассудить. Гениальный сыскарь-«важняк» и гений Всемирной паутины в гостиную у легендарного московского вора. Бляха-муха, да с нас сейчас картину писать можно!

– Гений Всемирной паутины? – Из всей этой длинной речи Лев вычленил то, что интересовало его. – Это значит, что ты прямо здесь и сейчас можешь достать для меня все данные по этой карте, я правильно понял?

– Позволено ли мне будет использовать любимую фразу Стебы и спросить: без протокола? – хитро прищурился Крайчик. – Я ведь совершенно добропорядочный гражданин, а не какой-то там криминальный элемент. Мне неприятности ни к чему.

– Без протокола, – пообещал Лев. – Справишься за полчаса, я даже имени твоего не спрошу.

– О'кей, заметано, – игнорируя ворчание друга, произнес Крайчик, распаковал ноутбук, захваченный по просьбе Стебы, и приступил к работе.

Покинув дом Стебы, Гуров наметил новый план действий. Вместе с добровольным помощником лейтенантом Зубаревым ему предстояло посетить место обитания бомжихи Мусорки, съездить в морг к Юркову, посетить работодателя девушки, погибшей в парке, и ее квартирную хозяйку. Только после этого можно было думать о возвращении в отдел.

Бомжиха Мусорка жила под Братеевским мостом, добраться до нее оказалось не так-то просто: место лежбища бомжей охраняла свора собак, таких же худых, голодных и злых, как и сами бомжи. Если бы не подношение, купленное в ближайшем магазине лейтенантом Зубаревым, разговор между Гуровым и бомжихой Мусоркой вряд ли состоялся бы.

Получив щедрое подношение, Мусорка снизошла до беседы. Она повторила то, что до этого рассказывала капитану Стерникову. Происшествие, правда, описывала красочно, точно сценарий к фильму писала. Утром того дня Мусорка повстречала своих приятелей из Алтуфьево. По ее словам, те приехали в Москву исключительно ради встречи с ней, но Гуров подозревал, что у них в столице было запланировано какое-то дело, и наверняка противозаконное. Тот факт, что при встрече с Мусоркой приятели сорили деньгами направо и налево, покупая алкогольные напитки и закуску в нескромных количествах, только укрепил полковника в его предположении. Однако он предпочел не выяснять подробности внезапного появления богатства у друзей Мусорки, а двигаться дальше.

Чем закончилась та встреча, Мусорка не помнила. Очнувшись она уже в Марьином парке, на газоне. Ужасно хотелось пить, а в карманах и рубля не завалилось. Что делать? Она решила действовать привычным способом: прошвырнуться вдоль лавок и вытрясти из богатеньких москвичей пару сотен себе на опохмел.

Мусорка поднялась с газона и заковыляла к скамейкам. У крайней скамьи остановилась, поклончила деньги у обжимающихся подростков. Те денег не дали, а вскоре и сами ушли. Она обругала подростков дурными словами и двинулась дальше. В это время аллея была почти пуста. На скамейки никто не садился, случайные прохожие пробегали от одного края аллеи к другому, спеша по домам или в ночные клубы. Хватать людей за руки Мусорка не решалась, еще фингал «засветят», а пить хотелось все сильнее. Увидев девушку, облокотившуюся на урну, она обрадовалась, подумав, что девушка в подпитии, а в таком состоянии люди обычно более сговорчивые и сердобольные. Бомжиха рассчитывала, что придремавшая в парке девица наверняка поделится с ней парой сотен. Должно же ей повезти наконец!

К скамье Мусорка направилась чуть бодрее. Дойдя до места, не стала ютиться на краю, изображая смирение, как обычно поступали бомжи. Желая разжалобить обывателя, они усаживались на самом краешке лавки и начинали кряхтеть, стонать и вздыхать, пока потенциальная жертва не обратит на них внимание. Вариантов развития событий было всегда только два: клиент либо оставался на месте, и тогда можно было начинать его обрабатывать, либо вскакивал и демонстративно пересаживался на другую скамью, и тогда бомжу можно было не

трудиться, от такого клиента он все равно ничего бы не добился. Но на этот раз жажда была чересчур сильной, к выкрутасам не располагала, и Мусорка просто плюхнулась в центр скамьи.

Девушка даже не пошевелилась. Бомжиха посчитала это хорошим знаком: чем пьянее клиент, тем лучше. О том, что она собиралась ограбить девушку, Мусорка умолчала, но Гурову это было понятно и без слов. И вот, когда она тронула девушку за плечо, та завалилась на нее, точно полено. Встретившись с остекленевшими глазами девицы, Мусорка громко заверещала, требуя «вызвать «Скорую» и ментов, так как девка откинулась».

Крик собрал вокруг Мусорки всех немногочисленных прохожих. «Скорую помощь» все же вызвали. Те приехали, констатировали смерть и позвонили в полицию. Мусорку забрали в «обезьянник» до выяснения. Считается, что человек, живущий на улице, постоянно сталкивается со смертью и подобные эпизоды не должны его пугать, но Мусорку находка напугала. И напугала весьма сильно.

Она даже аресту обрадовалась. То, что к нему прилагался еще и допрос, было неприятно, но терпимо. На допросе Мусорка сказала, что вроде бы ранее девушку не видела, и все же лицо девушки вызывало в ее памяти неопределенные ассоциации, а память на лица у Мусорки была натренированная. Так она сказала капитану Стерникову, так же ответила и полковнику Гурову. До того, как обратиться к «вольной жизни», как называла свое бомжевание Мусорка, она была художницей, и не просто художницей, а портретистом. Запоминать лица входило в ее профессиональные обязанности.

Гуров вытребовал с Мусорки слово, что если вдруг она вспомнит, где и когда видела девушку, то непременно придет к нему на Петровку и сообщит о том, что вспомнила. Бомжиха немного поторговалась, выясняя, что получит взамен, но в конечном итоге согласилась. Гуров, с его вежливой манерой общения, ей понравился, и она искренне желала ему помочь. Еще больше желала помочь бедной девушке, которую какой-то негодяй бросил помирать на улице. Никто не должен умирать в одиночестве, так считала Мусорка и мечтала о том, что ее подобная участь минует, несмотря на то что живет она, как дворовый пес.

Друг Стебы, Крайчик, оказался весьма полезным. Он не только предоставил Гурову данные по номеру уворованной Стебой карты, он еще сумел вскрыть банковскую систему и получил все, вплоть до паспортных данных девушки и наименования организации, производившей перечисления на ее счет. Та легкость, с которой Крайчик обошел все степени банковской защиты, заставила Гурова понервничать, но результат был хорош, информация исчерпывающей, а сам Крайчик вполне дружелюбен. Его пальцы порхали по клавишам, а язык работал без остановки.

В те десять минут, что ушли на работу, он успел двадцать раз заверить полковника в том, что он никогда не использует данные умения в криминальных целях. Ну или почти никогда. К тому же ответственность за взлом банковского счета в этом случае ложится исключительно на банк, а это значит, что простой обыватель от таких действий финансовых потерь не несет. А банк? На то он и банк, чтобы деньгами делиться. И вообще эти банкиры – сущие кровопийцы, достаточно взглянуть на процентные ставки по кредитам. Разве простому человеку это по карману? И все же банкиров это обстоятельство не беспокоит. Почему же его, Крайчика, должно беспокоить благосостояние банкиров? Будь он парнем более амбициозным, назвал бы себя Робин Гудом нового поколения, который отбирает золото у богатых и отдает его бедным. О том, кто выступает в роли оделенных золотом бедняков, Крайчик предпочел умолчать, а Гуров – предусмотрительно пропустить это высказывание мимо ушей. Он вообще старался не слушать Крайчика, так как помнил, что за оказанную услугу обещал не вмешиваться в дела Крайчика и свое обещание собирался сдержать.

Когда дело было сделано, у Гурова на руках оказалось все, что нужно для продолжения расследования. Девушку из парка звали Светлана Волоцкая, ей было полных двадцать девять лет. Работодателем Волоцкой значился довольно популярный в столичных кругах магазин жен-

ской одежды под названием «Королева». В самой Москве сеть этих магазинов насчитывала порядка десяти единиц. Лев не стал тратить время на объезд филиалов, а отправился напрямик в головной офис. Там он предъявил удостоверение смазливой девице, изображающей стража у дверей офиса, и потребовал немедленной встречи с начальством. Девица связалась с кем-то по селектору внутренней связи и озвучила проблему.

Несколько минут ее переводили с одного администратора на другого, пока Гурову не надоело ожидание. Он отобрал трубку у девицы и грозно рявкнул, что, если через пять минут перед ним не появится директор этой богадельни, он вызовет ГБРовцев и парализует работу офиса на долгие часы. Угроза возымела действие: уже через минуту Гурова проводили в кабинет исполнительного директора.

Директором оказался молодой, чуть старше двадцати пяти лет, парень. Он буквально раздувался от важности занимаемой должности и наслаждения властью. Ровно до тех пор, пока не услышал о том, что привело Гурова в его офис. Известие о мертвой сотруднице заставило его слуться в одно мгновение. Голос потерял внушительность, и он превратился в того, кем и являлся: в безусого юнца без власти и привилегий. Добрых пять минут директор только и мог твердить о том, что в данном случае лично он ничего не решает, никаких действий производить не может и вообще никакого отношения к филиалам компании не имеет. Ему, мол, необходимо связаться с юристами компании, и только после этого он сможет дать ответ. Вопрос, заданный Гуровым, был настолько прост, что дожидаться ответа юристов он не собирался. Все, что ему нужно было узнать, – в каком из филиалов работала Светлана Волоцкая. Пришлось снова применить испытанный ранее способ и пригрозить вызовом ГБР.

Только тогда исполнительный директор взял в руки телефон и начал обзванивать филиалы в поисках места работы Волоцкой. Уже четвертый звонок оказался успешным: руководитель филиала, расположенного на Цветном бульваре, сообщила, что у них имеется такая работница, но сегодня на рабочем месте она отсутствует.

Перед тем как уйти, Лев строго-настрого запретил директору говорить кому-либо о том, что случилось с Волоцкой. Страх в глазах парня лучше слов заверил его в том, что он будет молчать.

Тогда Гуров поехал на Цветной бульвар. Обстановка в бутике располагала к общению. Уютное помещение, приятный запах новой ткани и дорогих духов, милovidные, улыбающиеся девушки, достаточно взрослые для того, чтобы с ними было о чем поговорить, но не настолько, чтобы на них стало неприятно смотреть. Прежде чем зайти в магазин, Гуров провел краткий инструктаж с лейтенантом Зубаревым. Он решил, что, работая параллельно, можно будет добиться лучшего результата. К тому же Зубарев был куда моложе Гурова, и с молоденьким лейтенантом девушки будут вести себя более открыто.

Так и вышло. Пока Лев беседовал с одной из сотрудниц магазина, Зубарев не стоял на месте. С видом знатока он рассматривал юбочки и жакетики в подростковом размерном ряду. Поведение Зубарева привлекло внимание сразу нескольких продавщиц. Они окружили лейтенанта, некоторое время оживленно обсуждали что-то, а потом принялись наперебой предлагать эксклюзивные вещицы. А спустя еще пять минут девицы напрочь забыли о необходимости повышения продаж, отложили в сторону вешалки с юбочками и жакетиками, но от Зубарева не ушли. Он задавал вопросы, а девицы охотно на них отвечали.

Итог стратегии Зубарева оказался весьма продуктивным. Он узнал адрес девушки, имена людей, с которыми она общалась на работе и вне ее, сколько она зарабатывала, на что тратила заработанное и многое другое. Гурову же не удалось выяснить и половины того, о чем узнал Зубарев. Вот когда он порадовался решению взять лейтенанта с собой. Сам же Зубарев результатом был слегка смущен, но и горд одновременно, и к квартирной хозяйке Светланы Волоцкой он ехал, испытывая смешанные чувства.

Светлана Волоцкая, приехавшая из далекого Узбекистана, где проживала в малюсеньком городишке под Самаркандом, снимала комнату у женщины, имеющей статус инвалидности нерабочей группы. У арендодательницы Светланы, по словам ее коллег, отсутствовали обе ноги, но, имея большую жилплощадь в центре Москвы, та имела возможность немного подзаработать на квартирантах. Рассудив, что инвалид-колясочник большую часть времени должен проводить дома, Гуров тут же отправился к ней домой.

На звонок, как он и ожидал, открыла сама квартирная хозяйка. Несмотря на заболевание, выглядела она весьма цветуще: румянец во всю щеку, густо подведенные брови, блондинистые кудри и ярко-красный лак. Все это, в сочетании с экзотической раскраски японским халатом-кимоно, никак не вязалось с представлениями Гурова об инвалидах-колясочниках. К тому же ему оказалось достаточно одного взгляда, чтобы понять: избавься она от косметики, ее красота только выиграет, и она сама об этом знает. Первая же фраза, произнесенная женщиной, лишь подтвердила предположения полковника.

– Мужчина в моем доме – это явно не к дождю, – кокетливо поведя плечами, произнесла она. – Впрочем, это неудивительно. Раньше к моим ногам падали и не такие красавчики, как вы.

– Добрый день, – вежливо поздоровался Гуров. – Полковник Гуров Лев Иванович. Вы позволите пройти? У нас к вам имеется...

Договорить полковнику квартирная хозяйка не дала.

– Гуров? Вы серьезно? – воскликнула она. – Вот так сюрприз! Проходите скорее, я весьма польщена вашим визитом. Ну же, входите, не заставляйте женщину торчать на сквозняке. Только дверь за собой закройте. Мое теперешнее положение позволяет мне пренебречь правилами этикета и потребовать от визитеров выполнить это действие за меня.

Гуров вошел первым. За ним в дверной проем просочился лейтенант Зубарев, плотно прикрыл за собой дверь и даже цепочку накинул. Квартирная хозяйка призывно махнула рукой в сторону гостиной и добавила:

– Можете не разуваться, у меня отличная прислуга. – И тут же снова восторженно воскликнула: – О боже, полковник Гуров у меня дома! С ума сойти!

– Мы знакомы? – спросил Лев.

– Не с вами. Мария Строева – ваша жена, ведь так? Господи, как я любила ее игру!

– Вы поклонница моей супруги?

– Самая жаркая поклонница, если позволите. Игра Марии Строевой – это волшебство! Какой талант, какая сила перевоплощения! Вы хоть понимаете, как вам повезло видеть каждый день этот талант? – продолжала восхищаться женщина. – Подумать только! Ведущая актриса московского театра подает вам завтрак в постель. Вероятно, вы уникальный любовник, раз такая женщина выбрала вас.

– Буду рад передать ей привет, – вежливо проговорил Гуров.

– О, непременно передайте. Я ведь практически воспитала Марочку. Она начинала свою карьеру под моим руководством.

– Вот как? Любопытно, – протянул Гуров, силясь вспомнить, кто из наставников жены получил паралич нижних конечностей. – Может, расскажете об этом?

– О нет! Боюсь, вам это вряд ли будет интересно. Думаю, вы задали этот вопрос только потому, что не можете вспомнить моего имени, – лукаво улыбнулась женщина. – Не смущайтесь, с тех пор как я оставила сцену, прошло больше десяти лет. Вряд ли вы меня помните.

– Простите, – искренне извинился Гуров.

– Облегчу вам задачу. Я – София Рубинштейн. Работала сразу в нескольких столичных театрах, сыграла более ста ролей, а это для театральной актрисы внушительная цифра. Надеюсь, когда вы станете рассказывать обо мне своей жене, несравненной Марии Строевой, она

не будет глядеть на вас таким же пустым взглядом, как сейчас смотрит на меня ваш напарник. Скажите же ему, чтобы перестал тарашиться, все удовольствие от встречи портит!

Гуров оглянулся. Щеки лейтенанта Зубарева залил пунцовый румянец, он что-то промямлил себе под нос, видно, хотел извиниться. Его смущение выглядело неподдельным, и Гурову даже жаль его стало. «Вот ведь нескладный какой, а в бутике чувствовал себя совершенно свободно, – подумал Лев. – Видно, с молодежью лейтенант общается куда непринужденнее».

– Это лейтенант Зубарев, – представил он Софии напарника. – Не будьте к нему слишком строгой, лейтенант еще в самом начале карьеры. Кто из нас не делает ошибок на первых порах?

– И то верно, – согласилась София. – Лично я наделала их целую кучу. Так что привело вас в мой дом, полковник?

Гуров сразу посерьезнел. Ему не хотелось расстраивать эту милую женщину, но выбора не было. Вздыхнув, он присел на диван напротив бывшей актрисы и официальным тоном произнес:

– София, нам предстоит довольно неприятный разговор. Подготовиться к дурным новостям просто невозможно. Меньше всего мне бы хотелось беспокоить вас, но это необходимо.

– Вы меня пугаете, полковник, – растерянно произнесла София. – Что случилось? Что-то с Димочкой?

– Нет, кем бы ни был упомянутый вами Дмитрий, речь пойдет не о нем, – поспешил заверить Гуров.

– Димочка – это мой племянник. Он живет в Швейцарии, один раз в три года приезжает в Москву и тогда непременно навещает свою тетушку, – машинально произнесла София. – Он мой единственный родственник. Его мать, моя сестра, умерла несколько лет назад. Если с ним все в порядке, тогда что плохого в ваших новостях?

– Речь пойдет о Светлане Волоцкой.

– Светочка? Моя квартирантка? – воскликнула София. – У нее неприятности?

– Полагаю, она мертва, – выпалил Лев, не желая больше ходить вокруг да около.

– Светочка мертва? – Глаза Софии округлились, долю секунды в них светилось непонимание, после чего женщина громко рассмеялась: – Бред! Со Светочкой все в порядке. Что бы там ни произошло, кого бы вы ни нашли мертвым, это не может быть моя Светочка. Всего лишь два дня назад она сидела вот здесь, где сейчас сидите вы, и делилась со мной своими планами. Смерть в эти планы не входила, уж можете мне поверить!

– Ее нашли в Марьином парке, – мягко, но убедительно произнес Гуров. – У нее отказало сердце, экспертиза это подтвердила.

– И снова бред, – решительно возразила София. – У Светочки было совершенно здоровое сердце, она вела здоровый образ жизни. Не пила, не курила, наркотиками не баловалась, с чего бы ей умирать?

– Мы будем рады, если наше предположение не подтвердится, но, боюсь, сомнений у нас нет. Завтра приедут ее родственники из Узбекистана, им уже послали оповещение. Если хотите, можем пригласить на опознание вас. Возможно, увидев девушку своими глазами, вам будет легче принять эту ужасную новость.

– Ехать мне на опознание? В ваш мерзкий морг? О нет, только не это! – воскликнула София. – Пусть этим займутся родственники, а когда они не подтвердят ваше предположение, я над вами вдоволь посмеюсь.

– Как по-вашему, где сейчас находится Светлана? – Гуров резко сменил тактику.

– Она уехала по делам. На несколько дней. И меня об этом, между прочим, предупредила! – с вызовом заявила София. – Девочка нашла хорошую подработку. За совершенно пустяковую работу ей пообещали вполне достойные деньги. Она сама рассказала мне об этом.

Сказала, если все пройдет удачно, то у нее будет столько денег, что хватит на отдельное жилье. Я даже нового квартиранта начала подыскивать.

– И что это за работа?

– Я не знаю, она не сказала.

– Как называется фирма? Где она находится? Кто является работодателем? – Гуров один за другим выдавал вопросы, на которые получал один и тот же ответ:

– Я не знаю, она не сказала.

– Позвоните ей, у вас же есть ее номер телефона, – потребовал Лев.

– Я звонила, связь отключена, – растерянно проговорила София. До нее начал доходить смысл слов, сказанных полковником. – Вы думаете...

– Все верно, – устало произнес Гуров. – Вы и сами видите, что все ваши слова лишь подтверждают то, что Светлана попала в беду. И теперь я должен попросить вас рассказать все, что вы знаете о новой работе девушки. Когда слышали о ней впервые? Называла ли она какие-то имена, адреса? Каким образом получила предложение заняться этой работой? Все, что сможете вспомнить. И еще: мне потребуется осмотреть ее комнату. Это возможно?

– Конечно. Как пожелаете. – Голос Софии больше не звучал бодро и жизнерадостно. Она поняла, что надеяться на ошибку следствия бессмысленно. Ее квартирантка мертва, и пройти через ужас допросов и обысков придется ей, бывшей актрисе.

Глава 5

В морге у Юркова Гуров пробыл недолго. Еще в обед он позвонил другу и попросил провести для него кое-какую работу, а именно – обработать архив и изучить все дела, в которых фигурировали неопознанные трупы, чья смерть наступила в результате сердечного приступа. Юрков отзвонился через два часа и доложил, что нашел еще два подобных случая. Правда, вскрытие в этих случаях делал не он, поэтому утверждать, что эти случаи подходят под серию, не может.

Гуров попросил сделать копии с отобранных дел и пообещал забрать их сегодня же. При встрече Лев поинтересовался, сможет ли Юрков произвести повторное вскрытие, так сказать, на общественных началах. Юрков согласился. Дело оставалось за малым: получить разрешение. На этом и расстались.

В отдел Гуров попал только к вечеру. Лейтенанта он отпустил еще до того, как отправиться в морг. От избытка впечатлений прошедшего дня Зубарев пребывал в состоянии некоей эйфории, и Лев считал более правильным дать парню отдохнуть, приказав ждать звонка.

С кучей бумаг под мышкой он вошел в кабинет. Крячко сидел на своем рабочем месте и одним пальцем старательно стучал по клавиатуре.

– Явился, пропащий? – приветствовал он друга. – Давненько ты нас не посещал. Я уж было собрался к тебе ехать, нарушать семейную идиллию.

– Есть новости? – опускаясь в кресло, спросил Гуров.

– Полно новостей. – Крячко довольно потер руки. – Могу докладывать?

– Валяй!

– Итак, благодаря незаурядным способностям твоего напарника мы имеем имя первой жертвы. Пришлось попотеть и потратить уйму времени, но в конечном счете девушку я опознал. Вернее, не я, а всезнайка «Гугл» и ее подруги.

– Подробности поиска можешь опустить, переходи сразу к главному.

– Ну вот, все удовольствие испортил, – притворно обиделся Стас. – Ладно, не хочешь послушать, каким образом твой товарищ оказался на высоте, дело твое. Тогда к деталям. Имя девушки – Наталья Рыкова, ей двадцать четыре года. Она иногородняя, является выпускницей московского медицинского вуза. В данный момент проходит интернатуру, второй год обучения. Вернее, являлась. Мне удалось встретиться с ее подругами. Строго говоря, они не подруги, а всего лишь делят с погибшей арендную плату за съемное жилье, тем не менее кое-что выудить из них мне удалось.

– Ты встречался с ними? – уточнил Лев.

– Иначе откуда бы я взял всю ту информацию, которой теперь владею? – заявил Крячко и начал рассказывать.

В парк на встречу девушки пришли вдвоем. Уселись на лавочку возле входа и начали высматривать красавчика из соцсетей. Когда же к ним подсел Стас Крячко, человек далеко не молодой и совершенно не похожий на человека с фото, и заявил, что это он ищет Натэллу Кокс, девицы чуть не рванули наутек. От погони по парку Крячко спасла его быстрая реакция. Он успел схватить одну из девушек за руку и ткнуть ей под нос удостоверение сотрудника полиции за мгновение до того, как захваченная девица начала визжать на весь парк.

В конце концов, ему удалось убедить девушку, что он на самом деле является оперативным работником и действует исключительно в интересах их подруги. В итоге обе девушки вернулись на скамейку и были готовы к беседе. Поначалу разговор никак не клеился, на вопросы Крячко девушки отвечали уклончиво и как-то расплывчато. Пришлось сказать им, что у полиции есть подозрения, что их подруга мертва.

После десятиминутных охов и ахов дело пошло быстрее. Девушки рассказали, что «Натэлла Кокс», урожденная Наталья Рыкова, проходит с ними интернатуру и снимает квартиру. Однако вот уже две недели она не появляется ни в больнице, ни в квартире. На телефонные звонки не отвечает. Приближается время арендной платы, и девушки не знают, что делать с ее долей. Вдвоем арендную плату им не потянуть, но и взять другого жильца, когда Наталья еще и вещи не забрала, они не могут. Собственно, только это обстоятельство заставило их откликнуться на сообщение Стаса. Они надеялись выйти на Рыкову через него. Никто не ожидал, что девушка мертва.

До того как исчезнуть, «Натэлла» была вполне довольна жизнью. Звезд с неба ни в учебе, ни в работе не хватало, а, по мнению подруг, была даже несколько ограниченной девицей, тем не менее жизнь ее не напрягала. Болела ли она? Нет, не болела. По крайней мере, не была сердечницей, иначе они бы знали. При получении медицинского образования подобные темы широко обсуждаются. Да и симптомы рано или поздно проявились бы, а ничего похожего девушки не припомнили.

С родственниками Наталья не общалась. Жила на то, что могла заработать как приходящая сиделка и медицинская сестра по вызову. Подобная подработка не возбранялась правилами обучения, и многие студенты занимались этим.

Кавалеров у нее не было. Единственный мужчина, который обращал на нее внимание, – это приятель по переписке в социальных сетях, но обе девушки, и Виолетта, и Анастасия, в один голос утверждали, что очных свиданий у них не было. Как они это узнали? Да очень просто. Наталья обязательно проболталась бы, так как это была ее заветная мечта. Глупо, но гораздо сильнее, чем о хорошей карьере, девушка мечтала заполучить настоящего ухажера. Чтобы с цветами, подарками и встречами при луне.

Но с женихами ей не везло, а вот с хорошей работой, вернее, подработкой, очень даже везло. Она умудрялась получить заказ тогда, когда другие оставались на бобах. Вот и перед самым исчезновением под большим секретом рассказала сначала Виолетте, а потом и Анастасии, что напала на настоящую золотую жилу. Сказала, что теперь деньги рекой потекут к ней в карманы. А работа пустяковая, хотя и ответственная. Виолетта еще пошутила: навел ли о ней справки работодатель или поверил на слово в ее ответственность. Виолетта Наталью ответственной не считала, впрочем, как и сама Наталья. На шутку девушка не обиделась, а лишь повторила, что новая работа – ее лучший шанс. А в разговоре с Анастасией она намекнула, что эта работа каким-то образом должна помочь ей заполучить лучшего в столице жениха. Анастасия спросила, не собирается ли она охмурить нового работодателя, на что Наталья лишь рассмеялась и сказала, что старики ей не нужны.

– Значит, Наталья Рыкова перед смертью тоже получила выгодное предложение? – выслушав Крячко, проговорил Гуров.

– Тоже? – удивился Станислав.

– Как и моя подопечная. – И Лев сообщил все, что удалось узнать о второй жертве, Светлане Волоцкой.

– Это уже кое-что, – протянул Крячко. – Совпадений становится все больше. Обе девушки иногородние, с родственниками общаются постольку-поскольку, обе получили предложение легкого заработка. Что думаешь, Лева?

– Согласен. Кто-то этих девушек обработал, но есть еще кое-что. Думаю, двумя жертвами дело не ограничилось.

– Да ладно! – ахнул Крячко. – Ты что-то откопал?

– Пока не знаю. Сегодня Серега Юрков прошелся по архиву «потеряшек» и нашел еще два случая, подобных нашему. Точно можно будет сказать только после того, как произведут повторное вскрытие, но личные дела можно посмотреть уже сейчас.

– А ты собираешься потребовать разрешение на повторное вскрытие? На каком основании?

– Основание еще не придумал, хотел посоветоваться с Орловым, он по части оснований понимает побольше нашего, – усмехнулся Лев.

– И он согласен?

– Я его еще не спрашивал, хотел сначала дела изучить. Ты со мной?

– Обижаешь! – Крячко похлопал Гурова по плечу. – После встречи с подругами Натэллы я просто не могу оставить это дело тебе.

– Тогда устраивайся поудобнее, – предложил тот, выкладывая на стол бумаги, полученные от Юркова. – Если верить Сереге, нас ждет незабываемое чтиво.

Первые же прочитанные строчки убедили Гурова, что Юрков не преувеличивал. Он начал с более раннего случая. Смерть неопознанной личности наступила предположительно четыре недели назад. Тело девушки обнаружили на Московских прудах. Тело лежало в лодке, которая запуталась в камышах. Обнаружила лодку влюбленная парочка, совершающая водную прогулку. К тому времени уже началось разложение, тем не менее при вскрытии причиной смерти признали остановку сердца. Все остальные повреждения были получены уже после смерти, их было очень много, и все они были ужасающими.

Гуров смотрел на приложенные снимки и не мог поверить, что перед ним действительно труп человека. Крячко лишь мельком взглянул на фото, забрал у Гурова отчет и продолжил чтение вместо него.

– Патологоанатом констатировал следующее: ноги жертвы, все это время находившиеся в воде, объедены до кости. Предположительно крупными породами рыб. Рваные раны на животе получены в результате нападения птиц. Болотных или городских пород. Внутренности жертвы отсутствуют практически полностью, что затрудняет определение наличия хронических заболеваний. Также у жертвы отсутствуют глазные яблоки и носовые хрящи. Частичное отсутствие плоти верхних конечностей. Сердечная мышца не затронута, что дало возможность поставить посмертный диагноз и установить саму причину смерти.

– С повреждениями все понятно, – остановил его Гуров. – Что говорят свидетели? Они вообще имеются?

– Поиск свидетелей результатов не дал, – полистав папку, ответил Крячко. – Отпечатки пальцев экспертам удалось спасти, но ни в одной базе они не числятся. Спецы из экспертного попытались составить цифровую модель лица жертвы, но результат признали лишь на тридцать процентов соответствующим оригиналу, поэтому особых надежд на фото следователи не возлагали. Проведя сравнение роста-возрастных и других показателей с заявлениями о пропаже и не найдя совпадений, дело отправили в архив.

– Ясно. Что со вторым делом?

– Здесь тоже снимки. Ты не поверишь, но эта жертва выглядит еще хуже, – открыв папку, сообщил Крячко.

Гуров взглянул на снимки, отложил их в сторону и начал читать. Очередная жертва была найдена под одним из многочисленных мостов. Любитель-собаковод выгуливал своего питомца, который и обнаружил тело. На этот раз не было ни рыб, ни птиц, над телом основательно потрудились бродячие псы. Руки и ноги жертвы были объедены без остатка. Тело лежало на животе, поэтому внутренние органы и лицо пострадали меньше, чем у предыдущей жертвы, но вот от спины и ягодиц мало что осталось. Первоначально оперативные работники, приехавшие на вызов, решили, что девушка упала с насыпи и сломала шею, но это предположение не подтвердилось. Возможно, она и скатилась с насыпи, но к тому моменту была уже мертва. Причина смерти – разрыв внутренней перегородки сердечной мышцы.

Лев отложил папку в сторону и угрюмо произнес:

– Поздравляю, коллега, у нас серия, – после чего выругался: – Черт бы его побрал!

– Кого? Убийцу или твоего приятеля-патологоанатома? – Крячко сгреб бумаги в кучу. – Пойдем, счастливец ты наш, доложим начальству. Ох, и обрадуется же он! Последний предпраздничный день, а ты к нему с таким шикарным подарком.

– Помолчи, Стас, – проворчал Гуров. – Говоришь так, будто я нарочно по всему городу бегал и приключения на свою задницу искал.

– На мою задницу, Лева, на мою, – с нажимом произнес Крячко. – Ладно, старик, где наша не пропадала! Вот поймалем серийного убийцу, преподнесем его генералу на блюде и получим благодарность от вышестоящих органов. Может, даже в материальном эквиваленте.

Не отвечая на подколки друга, Лев первым вышел из кабинета.

В приемной генерала Орлова их встретила секретарша и сообщила, что босс не велел его беспокоить вплоть до понедельника. Он, мол, запланировал шикарный выезд для своей семьи и посетителей не ждет. Если только дело не касается маньяков-убийц, разгуливающих по Москве. Выслушав слова секретарши о маньяках, Гуров и Крячко переглянулись. Перехватив этот взгляд, секретарша нахмурилась, затем сердито поджала губы и потянулась к селектору внутренней связи. Сообщая о приходе полковников, о маньяках она уже не говорила, но ее тон говорил сам за себя. В итоге доступ в кабинет они все же получили.

За порогом кабинета взорам полковников предстала довольно своеобразная картина: генеральский мундир валялся на полу, а его владелец крутился перед зеркалом, примеряя спортивный костюм ядовито-зеленого цвета. По рукавам спортивной кофты и по брючинам этого шедевра шли красно-желтые полосы шириной с ладонь. Сочетание цветовой гаммы навело на мысль, что данная модель выиграла на конкурсе стилистов-шизофреников. Вид у генерала при этом был вполне довольный. Он осматривал себя в зеркале, поглаживая дикой расцветки лампасы, и улыбался во весь рот.

– Вечер добрый, товарищ генерал. С обновкой вас, – проговорил Крячко, пытаясь скрыть улыбку.

Статус друга, коим Крячко являлся генералу вот уже много лет, позволял ему отпускать и не такие вольности. Несмотря на то что Гурова с генералом тоже связывала крепкая мужская дружба, он от комментариев и подколок предпочел воздержаться. Орлов же и вовсе не обратил внимания на вольность Крячко.

– А, это вы, бездельники, – проговорил он. – Надеюсь, не с дурными вестями? – Продолжая созерцание своей персоны, генерал все так же пребывал в благодушном настроении. – Ну как я вам?

– Хороший костюм, добротный, – дипломатично ответил Гуров.

– А цвет-то как хорош, – воодушевился Крячко. – И как вам к лицу, особенно лампасы.

– Ага, подарок супруги. А что не так с лампасами?

– Не слушай его, Петр Николаевич, – махнул рукой Лев. – Не знаешь разве этого балагура? Ему лишь бы похохмить.

– Хочешь сказать, мой костюм смешон? – Слова Гурова генерала явно не успокоили. – А ну, живо говори, что смешного в моем костюме! И говори правду, иначе...

– Да ничего, честно, – отбивался тот, украдкой погрозив Крячко кулаком. – Фасон отличный, материал удобный. Разве что цвет.

– А что с цветом?

– Ну просто подобная расцветка, как бы это сказать... – замылся Лев.

– На любителя, – «помог» Крячко. – Но если вам, Петр Николаевич, попугайские цвета по душе, так и носите в свое удовольствие.

Генерал снова развернулся к зеркалу. Радостная улыбка несколько померкла, а чем дольше он смотрел на себя в зеркало, тем более хмурым становился его взгляд. В конце концов, он резко расстегнул «молнию» и, рывком стянув с себя кофту, отбросил ее в сторону.

– Вы правы, расцветка никуда не годится, – усаживаясь в кресло, проговорил Орлов. – А ведь предупреждал жену, чтобы не слушала советов племянников. Эти сорванцы, видно, подшутить над нами, стариками, решили, вот и присоветовали ей этот костюм. Такие цвета, мол, в этом сезоне в самом тренде. Так и сказали. А моя дуреха повелась. Ей, видите ли, захотелось, чтобы и я был в тренде. Я – в тренде! Неслыханная глупость!

К концу гневной тирады генерала Гуров и Крячко хохотали, уже не сдерживаясь. Супругу Орлова они знали столько же лет, сколько служили вместе. Пикники на генеральской даче вошли в привычку, а уж какие угощения она готовила к их приходу, словами не передать. С племянниками тоже имели удовольствие быть знакомыми. С ними и их шкодливыми выходками относительно супругов Орловых. Шутка с костюмом и генералом «в тренде» явно удалась.

– Повеселились? – дав возможность им отсмеяться, произнес генерал. – Теперь к делу. Раз пришли на ночь глядя, да еще бумаги с собой притащили, значит, не на пикник звать будете. Выкладывайте, что у вас?

– Тут такое дело, Петр Николаевич, – начал Гуров. – Все намного серьезнее, чем казалось вначале.

– Постой, Лева, о чем идет речь? – остановил его Орлов. – Надеюсь, не о том деле, что навязал тебе твой друг-патологоанатом?

– О нем, – коротко ответил Гуров.

– Вот ведь... – Орлов еле сдержал ругательства, готовые сорваться с губ. – Я как чувствовал. Говорил ведь тебе: не суйся в это дело, сам завязнешь и нас за собой утянешь.

– Я просто хотел успокоить друга, – принялся оправдываться Лев. – Я и не предполагал, что за его страхами стоит что-то серьезное. Хотел проверить, и все.

– И что же оказалось за его страхами?

– Боюсь, у нас серия, – ответил Лев и придвинул папки с делами поближе к генералу: – Вот, взгляните.

– Не собираюсь ни на что смотреть. – Орлов демонстративно отшвырнул от себя бумаги. – Я еду на пикник. На четыре дня. Со своей семьей.

– А маньяк? Пусть разгуливает на свободе и продолжает убивать молодых, невинных девушек? – влез в разговор Крячко. – Нехорошо, товарищ генерал.

– Маньяк? Вы уверены?

– Процентом на восемьдесят, – честно признался Гуров. – Чтобы удостовериться наверняка, нужно провести повторное вскрытие двух жертв. И желательно, чтобы эти вскрытия производил Юрков.

– Докладывай! Коротко и по существу, – приказал Орлов.

Гуров вкратце изложил ситуацию. Рассказал, каким образом удалось опознать две последние жертвы, какое количество совпадений установлено в процессе расследования. Сообщил о двух предполагаемых жертвах, чья смерть произошла при идентичных обстоятельствах и по тем же причинам. Выслушав полковника, генерал некоторое время сидел в раздумье, затем хлопнул ладонью по столу и заявил:

– Хорошо. Допустим, меня ты убедил. Тем не менее я не вижу оснований к возбуждению уголовного дела ни по одному из эпизодов, а это значит, что до тех пор, пока не предоставишь мне основания, работать можешь только в частном порядке. Желает Крячко тебе помогать – дело его. Я же людей тебе выделить не могу.

– А лабораторию? Если понадобится провести какую-то экспертизу? – чувствуя, что Орлов колеблется, спросил Гуров.

– Ты знаешь, как действовать в подобных случаях, – пожал плечами Орлов. – Моего одобрения ты не получишь, но...

Он недоговорил, но Гуров понял. Слова генерала означали, что на предметах, представленных на экспертизу, следует указывать номер несуществующего дела. В случае, если эксперты начнут задавать вопросы, генерал заявит, что не давал «добро» на проведение экспертизы, но специально отслеживать несанкционированные лабораторные анализы не станет. На данном этапе о большем Гуров и мечтать не мог.

– Что насчет разрешения на повторное проведение судебно-медицинского исследования? Без этого нам тела не выдадут. Я узнавал, их уже в Лианозовское трупохранилище перевезли, а там с повторными освидетельствованиями туго.

– Насчет этого не беспокойся. Есть у меня там кое-кто, – сказал Орлов. – Сделаю пару звонков, и можешь считать, что разрешение у тебя в кармане. Но смотри, Гуров, если твои догадки не подтвердятся, отвечать мне, так что вы уж постарайтесь там особо не болтать. Взяли тела, поработали и вернули. Все чинно и, главное, молча.

– Чтобы до верхов информация не дошла, – закончил за генерала Крячко. – Все понятно, босс. Не первый год замужем.

– Тебе всегда все понятно, Крячко, – проворчал Орлов. – Только вот после таких заявлений на ковер в Главк не тебя вызывают и песочат там не вас с Гуровым, а меня.

– На этот раз все будет иначе, – заверил Гуров. – Обещаю, Петр Николаевич.

– Ну раз обещаешь, так идите, чего штаны зря просиживать? – недовольно посмотрел на них генерал. – Идите, идите, мне еще с лианозовскими разбираться.

Гуров и Крячко вернулись в кабинет, но лишь для того, чтобы набросать план действий. Рабочий день подходил к концу, впереди ожидали долгие выходные, а им предстояло пообщаться с оперативниками, выезжавшими на места происшествий. И если полковники хотели получить от них информацию еще до начала официальных выходных, следовало поторопиться.

Просмотрев записи, Гуров выписал фамилии следователей. Капитан Васин, тот, что вел дело неизвестной с лодки, был Гурову знаком. Служил он в соседнем округе и был на хорошем счету у начальства. Трудолюбивый, вдумчивый и ответственный, так бы охарактеризовал его сам Гуров. К нему решено было отправить Стаса.

Во втором случае лицом, выезжавшим на осмотр места происшествия, был указан оперуполномоченный старший лейтенант Гелашвили. Фамилия его ни о чем Гурову не говорила, поэтому он решил для начала связаться по телефону со следователем Поповым, чье имя стояло под рапортом, сообщающим, что оснований для возбуждения уголовного дела не найдено. Дозвонившись в районный отдел, Лев представился дежурному и потребовал пригласить к телефону следователя Попова. Оказалось, что рабочий день Попова уже закончился и на месте его нет.

Поддавшись порыву, Гуров спросил про Гелашвили. По опыту он знал, что оперативного работника трудно застать на месте, им чаще приходится бывать на выезде, в засаде или на задержании, но на этот раз ему повезло. Он застал Гелашвили буквально на пороге дежурки. Лев слышал, как, прикрыв трубку ладонью, дежурный крикнул через коридор, останавливая опера, тот огрызнулся в ответ, но, заслышав имя полковника, вернулся и взял трубку.

– Товарищ полковник, Гелашвили на связи, – отчеканил опер.

– Добрый вечер, товарищ старший лейтенант, – начал Гуров. – Прошу прощения за задержку, но дело не терпит отлагательства. Не могли бы мы встретиться?

Если полковник Гуров ни разу не слышал фамилии Гелашвили, то сам Гелашвили о легендарном опере-«важняке» был весьма наслышан, а отказаться от встречи с легендой – все равно что лишиться ребенка сладкого. По крайней мере, старший лейтенант Гелашвили думал именно так, поэтому и ответ его оказался весьма предсказуемым.

– Назначайте место и время.

– Могу забрать вас от отдела, – предложил Лев.

– Я на машине, назначайте место, – отказался Гелашвили.

– Фрунзенская набережная, Андреевский железнодорожный мост. – Гуров назвал место, где была найдена девушка.

– Ясно, – после небольшой паузы произнес старший лейтенант. – Буду там через тридцать минут. Номер запишете, созвонимся.

Гуров записал продиктованный номер и повесил трубку. Короткая пауза сказала ему, что Гелашвили понял, ради чего его вызывает полковник, но предпочел по телефону тему не затрагивать. Сдержанность опера Гурова впечатлила. «Надеюсь, ты хотя бы на сорок процентов так хорош, каким кажешься на первый взгляд», – подумал он, захватил папку с делом и вышел из кабинета.

До Фрунзенской он добирался дольше Гелашвили. Найдя место для парковки, набрал телефонный номер оперативника. Тот ответил почти мгновенно, указал ориентир, где его искать, и отключился. Как и предполагал Лев, Гелашвили поджидал его в том месте, где была найдена девушка. Поприветствовал полковника крепким рукопожатием и сразу перешел к делу, минуя риторические вопросы о цели встречи.

– Тело неизвестной обнаружили внизу, чуть в стороне от моста. К моменту прибытия опергруппы прохожие успели палками и камнями отогнать собак. Просто швыряли в них все, что под руку подвернулось. Вниз никто спуститься не решился, даже несчастный собаковод, чей пес обнаружил тело. Он сорвался с поводка, проскользнул между столбиками парапета и скатился вниз по склону. Поводок зацепился за куст, и он отчаянно заскулил. Близость трупа и своры бездомных собак напугала его до чертиков, так что сначала нам пришлось спасать его. Те же кусты, что чуть не убили пса собачника, спасли внутренности неизвестной. Собаки просто не сумели выволочь ее из кустов, хотя к тому моменту наличие или отсутствие внутренностей для нее уже значения не имело. Только для патологоанатома.

– В рапорте сказано, что первоначальной причиной смерти посчитали падение с высоты, – проговорил Гуров. – Только потому, что здесь крутой склон, или же были другие причины так думать?

– Ознакомились с делом? – переводя взгляд на папку в руках полковника, спросил Гелашвили.

– Это и привело меня к вам, – кивнул Лев.

– Тогда будет проще. Да, эксперты предположили, что девушка упала с высоты, от сильного удара головой потеряла сознание и поэтому не смогла выбраться. Собаки появились позже.

– Значит, на черепе жертвы обнаружили рану, несовместимую с жизнью?

– Рана была, – ответил Гелашвили. – И кровь на пути падения тоже обнаружили. Чуть выше места, где приземлилось тело. Видите выступы? О них она и билась. Трижды ударилась головой, сломала лучевую кость на правой руке, повредила голень, но, как оказалось позже, к этому моменту она была уже мертва.

– Патологоанатом зафиксировал разрыв сердечной мышцы. Что вы об этом думаете?

– Гуляла по набережной, почувствовала слабость, боль в груди. Решила пересидеть на парапете. В этот момент сердце остановилось, тело перевалилось за ограждение, скатилось вниз, застряв в кустах, и наступила смерть. Это оптимистичная версия, – выдержав паузу перед последней фразой, произнес Гелашвили.

– Но имеется и пессимистичная, так? – догадался Гуров.

– Личные вещи потерпевшей отсутствовали, – напомнил Гелашвили. – Ни сумочки, ни телефона, ни других дорогих женскому сердцу мелочей.

– Телефон мог находиться в сумочке, а ее, если она осталась с этой стороны ограждения, мог подобрать кто-то из прохожих, – заметил Лев.

– Допустим, – согласился Гелашвили. – Только в этом случае сумочка все равно нашлась бы. Пусть не сразу и довольно далеко от места происшествия. Даже вор, специализирующийся на кражах личных вещей, и тот выбросил бы сумку после того, как основательно ее почистил.

– А вы обошли все окрестные урны?

– Более того, я дал задание кое-кому из местных завсегдатаев, – сообщил Гелашвили. – Это же мой район, а в нашем деле без связей никуда. Так вот, я кинул клич шпане, что ищу документы или что-то, что поможет опознать неизвестную. Так как это не криминал, девушка умерла естественной смертью, то и спроса за присвоенные вещи не будет, так я сказал. Мол, закрою глаза, не стану допытываться, кто именно подрезал сумочку у трупа, она ведь бесхозно валялась на дороге, так что взять ее мог кто угодно.

– Но и после этого вещи не нашлись, – подытожил Гуров.

– Так точно, а уж я знаю, как умеет работать местная шпана, – подтвердил Гелашвили. – Но и это не все. Представьте себе следующую картину: молодая девушка, а по определению экспертизы ей было не больше двадцати пяти лет, разгуливает в подобном месте. Что она здесь забыла? Модных бутиков здесь нет, приличных кафешек тоже. Решила насладиться видом на Москву-реку? Тогда почему не выбрала пешеходный мост? Вид оттуда действительно впечатляет, к тому же до Нескучного сада рукой подать. Почему же она выбрала именно это место?

– И каков, на ваш взгляд, ответ? – заинтересовался Гуров.

– Вариантов два: либо она кого-то ждала, либо попала сюда не по своей воле. Если ждала, то телефон должен был находиться не в сумочке, а в руках. Когда кого-то ждешь, телефон держишь наготове. Даже мы с вами перед встречей созвонились, а уж современная молодежь и вовсе свои смартфоны из рук не выпускает.

– Логично, – вынужден был согласиться Лев.

– Ну а раз телефон не найден, как мы ни старались, значит, верен второй вариант. И тогда это уже не смерть от естественных причин, а самое настоящее убийство, – заключил Гелашвили.

– Почему же тогда дело передали в архив, оставив заключение, что основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют?

– Этот вопрос уже не в моей компетенции, – сухо ответил Гелашвили. – Я свою работу выполнил: место происшествия осмотрел, улики собрал, розыскные мероприятия провел. И собственные выводы в рапорте озвучил, так что моя совесть чиста.

– И все же вы отозвались на мой звонок. Почему?

– Потому что вы – легендарный опер-«важняк», Лев Иванович Гуров. О личной встрече с вами мечтает каждый опер, – просто ответил Гелашвили. – Но если бы на вашем месте был кто-то другой и обратился бы ко мне насчет этого дела, я все равно пришел бы. Если честно, смерть этой девушки не дает мне спокойно спать по ночам.

– Потому что вы думаете, что ее смерть не случайна?

– И еще из-за собак, – признался Гелашвили. – Она же человек, а ее бросили здесь на съедение бездомным псам, как кусок протухшего мяса. Никто не должен умирать такой смертью.

– Это точно. Спасибо, вы мне очень помогли.

– Всегда рад, – отозвался Гелашвили. – Если возникнут какие-то вопросы, звоните в любое время.

Гуров ушел, а старший лейтенант остался на набережной. Облокотившись о парапет, он еще долго вглядывался в зеленоватые воды Москвы-реки, думая о девушке, нашедшей смерть в таком красивом, но оказавшимся недобрым к ней месте.

Глава 6

По мнению Крячко, с разделением обязанностей ему повезло. С капитаном Васиным он встречался не раз, и по рабочим делам, и во вне рабочее время. Крячко и Васин были практически одного возраста, и тот факт, что второй застрял в капитанах, несмотря на солидный возраст, не имело, по мнению Крячко, особого значения. Просто всякий раз, когда капитану светило повышение, он отчебучивал какую-нибудь глупость, чем лишал себя привилегии получить хотя бы майора. Поэтому когда на звонок полковника Васин ответил, что в данный момент наслаждается законным выходным в забегаловке «У Джеда», Крячко недолго думая объявил, что рад присоединиться к нему и разделить с коллегой пару кружек пива.

Бар «У Джеда» привел Стаса в полный восторг. Интерьер бара, стилизованный под ирландскую старину, поражал воображение. Даже само название впечатляло. Как сообщала табличка при входе, имя Джек в переводе с ирландского означало «копье храбрых». И копий здесь хватало: развешенные по стенам вперемешку с постерами ирландских замков, они буквально заполнили все пространство.

Васин сидел в дальнем углу бара за столиком на двоих. Завидев Крячко, он призывно помахал рукой, одновременно подзывая пожилого джентльмена, изображающего ирландского слугу. Пока Станислав пробирался к столику капитана, пожилой джентльмен с удивительным проворством метнулся к барной стойке и вернулся с двумя кружками, полными темного пива.

– Вот это, я понимаю, прием! – весело поздоровался Крячко. – А ты время даром не теряешь, верно, капитан?

– Осталось только пошлую шутку насчет капитана, которому не быть майором, отпустить, – намекая на фразу из популярной песни, фыркнул Васин и отхлебнул добрый глоток из пивной кружки.

– Лично я творчество Володи Высоцкого крепко уважаю и слова из его песен пошлыми не считаю, – присоединяясь к товарищу, заявил Крячко. – Тебе-то он чем не угодил?

– Песня хорошая, – ответил Васин. – Может, споем?

– Хочешь сказать, ты уже дошел до песенной кондиции? – усмехнулся Стас. – Значит, я опоздал.

– Раз так говоришь, то пришел не пивка с давним приятелем попить, а свои полковничьи нужды справить, – выдал Васин.

– Собирался совместить, но раз ты против, перейду сразу к главному. Дело неизвестной, найденной в лодке, помнишь?

– Вспомнил! Уж месяц, поди, прошел, – присвистнул Васин.

– Так помнишь или нет?

– Память пока при мне.

– Тогда рассказывай. Все, что было в рапорте и что туда не попало, – попросил Крячко и заказал капитану и себе еще по кружке пива.

После второй кружки беседа пошла куда оживленнее. Рассказывал капитан обстоятельно, можно сказать, в лицах, отчего слушать его было одно удовольствие. Тело неизвестной обнаружила парочка влюбленных во время романтической прогулки по местным заводам. Арендовав лодку, они решили уединиться в укромном уголке, подогнали лодку поближе к камышам, и в самый интересный момент борт их лодки начал биться обо что-то твердое. Молодой человек слегка раздвинул камыши и обнаружил, что их лодка уперлась в другую. Бросив взгляд на дно лодки, он позабыл о романтических планах. Его подруга, недовольно ворча, поднялась на четвереньки и со словами «что это так мерзко воняет» ухватила за борт чужой лодки, подтянув ее ближе. От движения содержимое лодки заколебалось, создавая странный эффект. Молодой

человек смотрел на полуразложившийся труп, который приветливо махал ему рукой. Это же увидела и девушка. От шока ли, от запаха ли, но девушка не выдержала и потеряла сознание.

Бедный парень совсем растерялся. В одной лодке лежит труп, во второй – бездыханное тело его возлюбленной. Что делать? Звать на помощь или везти девушку на берег? Рассудив, что мертвецу он уже не поможет, парень схватился за весла. Как только лодка причалила к берегу, он достал телефон и вызвал сначала «неотложку», а затем и полицию. Опергруппа во главе с капитаном Васиным прибыла первой. К тому времени возлюбленная парня пришла в себя, но от пережитого шока дрожала как осиновый лист и наотрез отказывалась говорить.

Пришлось парню бросить ее на попечение супруги хозяина лодочной станции, а самому все на той же арендованной лодке везти капитана к месту происшествия. Когда добрались до места, парень зажмурил глаза и не открывал их до тех пор, пока снова не вернулся на берег. И за такое малодушие капитан его не винил. Много он в своей жизни повидал покойников: и удушенных, и на лесопилке порубленных, и в печи обуглившихся, и от газа вспучившихся, но такого мерзкого зрелища видеть еще не приходилось.

Собственно, человеческого в девушке осталась только правая рука, движение которой так напугало влюбленную парочку, да плечи, прикрытые толстым матерчатым платком. Васин заставил одного из прибывших с ним оперативников перебраться в лодку к покойнице и отогнать ее на лодочную станцию, где их поджидали эксперты. Сам же взялся за осмотр места происшествия. Осматривать в камышах особо было нечего, но Васин, не привыкший делать дело наполовину, все же загнал лодку в освободившийся проход, прочесал камыши вдоль и поперек и ничегошеньки там не нашел.

Тогда он вернулся на лодочную станцию, снял показания с парня и его девушки и отпустил их на все четыре стороны. После этого допросил хозяина станции и его жену. Те ничего о пострадавшей сказать не смогли. Лодку тоже не признали, а больше их и расспрашивать было не о чем. Эксперты, сделав свою работу, отправили тело в морг для вскрытия и занялись лодкой. Ее как улику приобщили к делу, сняли отпечатки пальцев, сделали необходимые смывы. Затем сняли на фотокамеру во всех ракурсах и отбыли в отдел. Васин решил, что лодка им еще пригодится, поэтому договорился с хозяином лодочной станции о временной стоянке. Хозяин не возражал. Он загнал ее в крытый ангар и выделил кусок брезента, которым собственно вручную накрыл лодку. В свою очередь, капитан Васин опечатал помещение, пообещав вскоре вернуться, и тоже отбыл в отдел.

В ожидании результатов вскрытия он проверил все заявления о пропаже, поступившие за последние шесть месяцев, но так и не смог идентифицировать труп. Родственники не нашлись, личных вещей при жертве не было, а вердикт патологоанатома гласил: смерть наступила в результате остановки сердца. На этом следствие закончилось. Васин подписал стандартный рапорт об отсутствии состава преступления, и спустя десять дней тело неизвестной отправилось в Лианозовское трупохранилище.

– Ну хорошо, – выслушав доклад капитана, проговорил Крячко, – родственников девушки вы не нашли, но ведь хозяина лодки можно было попытаться отыскать?

– Да ладно! Вот неожиданность, а я-то до этого и не дотумкал, – съязвил Васин. – Хорошо, что ты появился, наставил меня на путь истинный, а то бы захрясло дело.

– Не нашли? – понял Крячко.

– Разумеется, не нашли. Знаешь, какое количество заявлений об угоне водного транспорта поступает от владельцев за сезон? До тысячи штук. Не ожидал?

– Честно? Никогда не интересовался, – признался Стас.

– Вот! А я с ними работаю. О владельце лодки я первым делом подумал. Даже радовался поначалу, что тело в лодке нашли. Она, лодка эта, весьма приметная. Белоснежная, с тонкой красной полосой по борту, и название имела, на манер иностранных яхт. Знаешь, как называлась? «Удача». Только название на английском написано.

– А вот от девушки удача отвернулась, – печально вздохнул Крячко.

– Это да, – поддакнул Васин. – Да и владельцу она не много удачи принесла. Так о чем я? Ах да, лодка и ее владелец. Я думал, что стоит мне только данные по этой лодке в базу забить, как владелец тут же отыщется. Но нет, ни одного совпадения не нашлось. Я тогда еще подумал, что девица та, видно, не своей смертью померла, раз хозяин лодки не объявляется. В противном случае совсем непонятно получается. Лодка-то дорогая и новая почти. Почему он ее не ищет? Ответ напрашивается сам собой: он знает, что в лодке труп, вот и помалкивает.

– Мог бы заявить, что ее угнали, – заметил Стас.

– Заявить-то может, только где гарантия, что мы, следаки и опера, не раскопаем его связи с погибшей девушкой? Нет, не может он так рисковать. Ни одна лодка того не стоит.

– И то верно, – вынужден был согласиться Крячко. – Открываться рискованно.

Дальше разговор пошел о делах посторонних, совершенно не относящихся к оперативной работе. Просидев в баре до полуночи, Станислав с чистой совестью поехал домой. Утром ему предстояло держать отчет перед Гуровым, а перед этим следовало хорошенько выспаться.

Гуров сидел за рабочим столом в кабинете, перед ним лежал телефон. Крячко по привычке взгромоздился на подоконник, его пальцы выбивали монотонный ритм по оконному пластику. Это был единственный звук, нарушавший тишину в комнате. С момента их прихода на работу прошло уже больше четырех часов. Все варианты обсуждены, выводы сделаны. В работе оперативников периодически наступает такой момент, когда единственное, что им остается, – это только ждать. Сейчас в расследовании, проводимом Гуровым и Крячко, наступил как раз такой момент.

– Так и будешь его гипнотизировать? – не выдержав, прервал молчание Стас. – Может, сходим перекусим?

– Я жду звонка, – сухо ответил Гуров.

– Звонка можно ждать и в кафе, а вот гамбургер к тебе в кабинет сам не придет, – наставительно произнес Крячко. – И чего ты так нервничаешь? Юрков же предупредил, что дело это небыстрое.

– Надо было мне поехать с ним. Все лучше, чем сидеть сложа руки и тарашиться на сотовый, – раздраженно произнес Лев.

– Вот и я говорю: чего зря на него пялиться? Пойдем перекусим, время к обеду подбирается.

– Он может позвонить на рабочий номер. Не хочу пропустить.

– Нет, это не дело. – Крячко соскочил с подоконника и нервно зашагал по кабинету. – Что изменит этот звонок? По сути, совершенно ничего. Ну, подтвердит Юрков, что травмы сердца двух неопознанных трупов из архива идентичны тем, что обнаружены у Волоцкой и Рыковой, и что дальше? Чем тебе это поможет? Имен их мы не знаем и после получения результатов вскрытия тоже не узнаем. Лица девушек обезображены до такой степени, что ни о какой идентификации не может быть и речи. В социальных сетях мы их не найдем.

– Обезображено лицо только одной жертвы, лицо второй пострадало меньше, – напомнил Гуров.

– Ладно, пусть так. Тогда нечего сиднем сидеть, давай начинать работу по поиску той, что собаками объедена, – предложил Стас. – Между прочим, процесс этот далеко не быстрый.

– Я уже этим занимаюсь, – неожиданно сообщил Гуров.

– Не понял, – протянул Крячко. – Прямо сейчас занимаешься?

– Вчера попросил капитана Жаворонкова заняться этим, – признался Лев.

– Когда успел?

– После встречи с Гелашвили. Позвонил, попросил выйти утром и провести идентификацию по фото.

– И до сих пор молчал?

– Просто забыл сказать. Так что ждем сразу два звонка.

Не успел Гуров закончить фразу, как раздался телефонный звонок. Звонил стационарный. Он схватил трубку и громко произнес:

– Гуров слушает. – Потом некоторое время просто слушал, время от времени подавая реплики в виде междометий типа «да», «и что», «когда», и, закончив разговор, аккуратно положил трубку на место.

– Ну, что там? Это Юрков или Жаворонков? – нетерпеливо спросил Крячко.

– Это Васин, – медленно произнес Гуров. – Он нашел владельца лодки.

– Да ладно! Ай да Васин! А ведь вчера бочку пива выпил. Я думал, он три дня похмельем мучиться будет, а он с утра уже в строю. Как ему это удалось? Вчера он утверждал, что это совершенно невозможно.

– Утром пришел в отдел, решил снова проверить заявления и нашел то, что искал. Описание лодки в заявлении в точности совпадает с тем, что в рапорте. Вплоть до названия лодки.

– И кто владелец?

– Частный собственник. Проживает в подмосковных Печатниках. В заявлении указал дату пропажи лодки. Дата совпадает с датой смерти девушки.

– Печатники? Это же десятки километров от того места, где обнаружили лодку. – Крячко перевел взгляд на карту Московской области, висевшую на стене.

– Полагаю, лодка шла по течению не один час, пока не застряла в камышах, – высказал предположение Гуров.

– И что теперь? Едем в Печатники?

– Дождемся ответа от Юркова и результатов поиска от Жаворонкова, – ответил Лев.

Ни слова не говоря, Крячко направился к двери. Если на Юркова он никак не мог повлиять, то поторопить Жаворонкова было в его силах. Гуров остался один в кабинете. Он в очередной раз разложил перед собой папки с делами и крепко задумался. Если в начале расследования его несколько напрягало, что единственной причиной, по которой он занялся этим делом, являлось некое предчувствие патологоанатома, то теперь он и сам был абсолютно уверен в том, что смерти девушек не случайны.

При первом разговоре Юрков убеждал Гурова, используя медицинские термины и статистику. С его слов выходило, что даже у людей, страдающих болезнями сердца, процент физического разрыва сердечной мышцы не так уж высок. Всего порядка восьми процентов пациентов-сердечников умирают непосредственно по этой причине. А эти девушки даже не страдали болезнями сердца. Тогда почему они его получили, этот чертов разрыв? «Должна быть причина. Должна», – как заклинание, повторял Гуров снова и снова.

Будто вторя его мыслям, пришел ответ от Юркова. Он закончил повторное исследование. Предположение подтвердилось: причиной смерти в обоих случаях послужил разрыв внутренней перегородки сердечной мышцы. И никакого истончения, формирующегося годами. Ни некроза, приводящего к отмиранию клеток при отсутствии рубца. Ни эндокардита, опухолей или иных метаболических нарушений. Ничего, что могло быть причиной внезапной смерти.

Проявив инициативу, Юрков взял пробы для проведения дополнительного лабораторного анализа и пообещал провести его в течение суток. Вдруг что-то всплывет? Остатки препарата, введенного в организм в последние сутки перед смертью, или что-то в этом роде. В самый последний момент Юрков высказал предположение, что, возможно, смерть спровоцировал какой-то новый вид наркотика, который действует не на мышечную, а на нервную систему человека, приводит его в состояние высочайшего стресса, отчего сердечная мышца не выдерживает и разрывается. Так называемая смерть от страха. «Если так, то я тебе не завидую, полковник», – это были последние слова, сказанные Юрковым перед тем, как он дал отбой.

Гуров слова Юркова воспринял всерьез. Вариант с новым видом наркотика имел полное право на существование. Люди, наживающиеся на пороках других людей, весьма изобретательны. Они не чувствуют угрызений совести, у них попросту ее нет. Какое им дело до того, сколько людей погибнет от принятия нового препарата, если это приносит прибыль? В одном Юрков был прав – появление нового наркотика на территории России станет серьезной проблемой для всех правоохранителей.

Вернулся Крячко. Его унылый вид подсказал Гурову, что у Жаворонкова ничего не вышло, и Стас это предположение подтвердил. В социальных сетях отыскать жертву из-под моста не удалось. Новость о неизвестном наркотике Крячко встретил бурно. Ухватившись за идею, он начал подбивать под нее все предыдущие данные. Тот факт, что все жертвы имели возраст до тридцати лет, Стас посчитал наиболее подходящим к группе риска. Проблемы с учебой или в личной жизни вполне могли привести к тому, что девушки начали принимать наркотики. Уйти от проблем в nirвану наркотического дурмана, почему бы и нет? Нынешняя молодежь не стремится доказать себе и окружающим, что может справиться с любыми трудностями. Сегодня стойкость и выносливость не в почете.

Гуров связался с начальником оперативного отдела по контролю за оборотом наркотиков. Он задал ему вопрос о том, не появлялся ли на территории Московской области новый вид наркотика, благо приятельские отношения позволяли ему задать такой вопрос. Заявив для проформы, что данный вид информации выдается только по официальному запросу, начальник ФСКН сказал, что ничего подобного не слышал. На данный момент в столице на этот счет довольно тихо. И все же Гуров попросил спрашивать в нужных кругах, не ходят ли слухи о том, что вскоре на рынке появится нечто необычное, новое или элитное. Дав обещание провести соответствующую работу, начальник ФСКН обругал Гурова за то, что тот испортил ему выходные. «Теперь все мысли будут крутиться вокруг твоей новости. Не хватало нам нового бума в среде наркодилеров», – проворчал он на прощание.

После этого сыщики покинули кабинет и отправились в район Печатники на встречу с владельцем лодки.

Владелец «Удачи» жил в районе Южного речного порта, там же, на платной стоянке, держал лодку. К встрече с представителями правоохранительных органов он подготовился основательно: взял с собой несколько фотоснимков лодки, документы на собственность, права на вождение моторного водного средства и кучу заявлений, подписанных сердобольными соседями, подтверждающих, что данным транспортным средством гражданин Утихин Дмитрий Павлович владеет с незапамятных времен. Последнее было явно лишним, но хозяин лодки посчитал, что заверения соседей куда убедительнее свидетельствуют о его праве на владение угнанным средством. Мало ли? Вдруг похититель чужой собственности перекрасит его «Удачу», замажет название или вообще произведет какое-то кардинальное перестроение? И что тогда докажут все официальные документы? Да ничего! А вот подтверждение соседей, что правый бензиновый бак имеет характерную вмятину в виде лисьей головы, или упоминание о замазанной специальным герметиком дырке в днище, прямо под обшивкой центральной скамьи, которую он, гражданин Утихин, пробил и залатал прошлым летом, – это уже другой коленкор.

Все это Утихин вылил на полковников, лишь только они переступили порог его дома. Несмотря на то что и Гуров, и Крячко были в штатском, он ни минуты не сомневался в том, кто перед ним, и, потрясая бумагами, с пеной у рта доказывал, что владелец «Удачи» он, и никто другой.

– Понимаю, я подал заявление слишком поздно, – выкрикивал Утихин, бегая по комнате. – Но на то, господа полицейские, у меня были уважительные причины. Между прочим, подтверждение наличия оных причин тоже задокументировано. Вот, почитайте. Выписка из

амбулатории, находящейся, между прочим, в Москве. В Москве, господа полицейские! Три недели я провалялся на больничной койке с острой кишечной инфекцией, которая дала осложнения, что привело к необходимости проведения шести серьезнейших операций! Остается удивляться, как после всего перенесенного я остался жив. И вот возвращаюсь домой, покалеченный, едва передвигающийся на своих двоих, и что я вижу? Моей красавицы, моей несравненной «Удачи» нет на месте! Как вам это понравится? Будто мало того, что уже случилось.

Гуров терпеливо ждал, пока поток негодования стихнет. Он уже понял, что владелец «Удачи» – не их человек, но уйти, не получив ответа, не мог. Крячко добродетелью терпения не обладал, поэтому решительно прервал возмущение Утихина:

– Помолчите, гражданин Утихин. Мы здесь не для того, чтобы выслушивать ваши жалобы на судьбу. Нас интересует только лодка, вернее, ее эксплуатация.

– Что? Что вы говорите? Моя лодка не будет мне возвращена? – вскричал Утихин. – Но ведь вы же приехали, значит, она нашлась. Иначе вас бы здесь не было. В отделении полиции, где я писал заявление, так прямо и сказали: если не будет результата, никто вас оповещать не станет. А раз вы здесь, значит, она нашлась.

– Лодка действительно нашлась, – мягко произнес Гуров. – Но процедуру идентификации и возврата проведут другие люди. Нас же интересует, кто мог воспользоваться вашим водным транспортом в ваше отсутствие.

– Воры, кто же еще? – твердо заявил Утихин. – Они украли ее. Жестоко, беззастенчиво. Даже моей болезни не постеснялись!

– Угнали прямо с охраняемой стоянки? – перебил его Крячко. – Почему же вы не предъявили иск хозяину стоянки? Насколько я понимаю, принимая оплату за аренду места, владелец стоянки принимает на себя и ответственность за ее сохранность.

– Это так, но тут несколько иные обстоятельства, – замямвшись, ответил Утихин.

– И что это за обстоятельства? – задал вопрос Гуров.

– Дело в том, что я не успел проверить, стоит ли лодка на стоянке.

– И что это значит?

– Незадолго до того, как лечь в больницу, я одолжил лодку одному человеку. Он обещал пригнать ее на стоянку через три дня. Когда прошло уже четыре дня, я позвонил ему, выяснить, с чем связана задержка, но он не взял трубку. А еще через день я уже был в больнице. Вот как вышло, что владельцу стоянки я иск предъявить не могу.

– Полагаю, владелец стоянки утверждает, что лодка возвращена не была, а ваш приятель твердит обратное, – произнес Гуров.

– Не совсем, – ответил Утихин. – Насчет владельца стоянки все верно, а вот приятель до сих пор на звонки не отвечает.

– Выходит, он забрал вашу лодку и свалил? – хмыкнул Крячко.

– Нет, что вы! Зачем ему это? Он ведь не любитель водной стихии. Лодка ему была нужна исключительно для того, чтобы произвести впечатление на девушку, – замахал руками Утихин. – Сам он не относится к категории романтиков, а вот его последняя пассия – девушка довольно романтическая.

– Вы с ней знакомы? – с надеждой в голосе спросил Лев.

– Незнаком. Мы с приятелем не настолько близки, чтобы он стал знакомить меня со своими подругами, – признался Утихин. – Собственно говоря, мы и приятелями-то не являемся. Просто какое-то время он жил по соседству. Снимал частный дом у Дворяркиных. Ну и помогал мне кое в чем. Проводку починить, сантехнику наладить. Я, знаете ли, в таких делах не силен, вот и приходится просить соседей о помощи.

– А лодка пошла в счет оплаты соседских услуг, – заключил Крячко.

– Верно. Когда ему понадобилась лодка, он так прямо и сказал: пора тебе, Димон, расплатиться за мои услуги. Я не возражал. Три дня аренды лодки все равно стоят меньше, чем услуги сантехника и электрика.

– Расскажите о своем соседе все, что вам известно, – потребовал Гуров.

– Да что, собственно, случилось?

До Утихина наконец дошло, что он понятия не имеет, с какой целью явились к нему полковники с Петровки. Но, будучи гражданином законопослушным, он уселся на свободный стул и принялся выкладывать то немногое, что успел узнать о бывшем соседе за время его проживания в доме Дворяркиных. Сказать по правде, о человеке, которому так легкомысленно доверил свою собственность, Утихин знал довольно мало. Заехав в дом Дворяркиных, тот решил соседу называть его Харитоном, но Утихин сразу заподозрил, что настоящее его имя совершенно другое. На работу Харитон не ходил, на что жил, Утихин не знал, но денежки у него водились. Время от времени к Харитону приезжали приятели. Всегда на автомобилях с тонированными стеклами. Подъезжали к воротам, давили на клаксон, после чего выходил Харитон и открывал ворота. Гости не покидали салон до тех пор, пока он их не закроет. Глухой забор не позволял Утихину увидеть, кого именно принимает у себя его скрытный сосед. Как-то раз любопытство взяло верх, и при появлении очередной машины Утихин забрался на чердак и наблюдал за выгрузкой гостей.

Гости Харитона ему не понравились. Они привезли с собой целый винный завод, ящики выгружали минут десять. Похлопывали Харитона по плечу сплошь татуированными ручищами, а потом всю ночь орали блатные песни. Привыкший доверять людям, Утихин приписал соседу несуществующую добродетель. Он решил, что кто-то из родственников Харитона попал в передрагу, за что загремел за решетку, и, чтобы обеспечить тому сносное существование в тюрьме, Харитон вынужден время от времени принимать у себя представителей уголовной среды. По мнению Утихина, сам Харитон на уголовника похож не был. Вполне приличный мужчина. Слегка замкнутый, но в этом Утихин видел скорее достоинство, чем недостаток.

На вопрос, имелись ли у Харитона наколки или какие-то другие особые приметы, он ответил, что на пальцах Харитона имелось целых две наколки. Перстень с изображением знака доллара и еще один с изображением Андреевского флага. Он однажды даже спросил Харитона, почему тот на пальце Андреевский флаг носит, не из бывших ли он моряков? На что Харитон только рассмеялся, не объясняя Утихину, что его так развеселило.

А вот полковникам этого и объяснять не было необходимости. Обе наколки в виде перстней на пальцах носили люди, побывавшие на зоне. Перстень с изображением доллара обозначал, что у Харитона имелось по меньшей мере две ходки, а Андреевский флаг на самом деле означал осуждение за грабеж. Сообщение о наличии наколок заставило Гурова и Крячко потопириться. Они распрощались с Утихиным, приказав ждать вызова в местное отделение относительно возврата лодки, и направились к его соседу Дворяркину. Дом соседа оказался запертым на замок, и никто не смог подсказать полковникам, где искать хозяина.

Пришлось возвращаться обратно в отдел. Информации по Харитону было недостаточно, но попытаться найти его среди бывших заключенных все же стоило.

Глава 7

На деле Харитон оказался тридцатилетним уроженцем Наро-Фоминска Гаджало Владимиром Степановичем, личностью весьма примечательной в уголовной среде. Татуировок в виде перстней могло быть и в два, и в три раза больше, так как его уголовная карьера началась еще на «малолетке», едва он достиг возраста, достаточного для несения ответственности. Хулиганство, мелкие кражи в магазине, драки в общественных местах – вот с чего начал Харитон. Вроде бы мелочи, кто по молодости этим не грешил? Только вот случались эти мелочи так часто, что «обезьянник» в местном отделении полиции уже невозможно было представить без сидящего в нем Харитона.

А потом он связался с бандой, главарем которой был злобный и безбашенный парень по кличке Гик. Целый год Гик и его банда кружили по Москве, нагоняя страх на запоздалых прохожих, гоняя группы подростков и задирая вошедших в пору полового созревания девчонок, а между делом грабили прохожих. Сотрудники полиции понимали, что добром это не кончится, но прижать Гика им не удавалось. Сколько бы раз ни забирал его полицейский наряд, убедить потерпевших подать на него заявление полицейским не удавалось. Никто не хотел связываться с Гиком.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не один случай, завершивший карьеру бандита. Случай произошел возле одного из московских ресторанов. На этот раз Гик разбушевался не на шутку. Его банда напала на пожилую пару, собираясь отобрать у них деньги и драгоценности. Но им помешали, группа парней вступилась за стариков. Гик бросил членов своей банды на парней, а те оказались не из простых. Это была группа бывших десантников, и подготовка у них имелась соответствующая.

Стоя в стороне, Гик наблюдал, как один за другим отлетают в сторону его «шестерки». Ему бы отступить. Отозвать своих бандюганов и убраться, но он все стоял и смотрел. В конце концов, не выдержал и сам бросился в драку. Один из десантников увидел, как сверкнуло лезвие ножа, и отреагировал мгновенно, метнувшись Гику под ноги. Тот полетел через голову, врезался в стену и обмяк. Десантник уже тянулся к ножу, выпавшему из рук Гика, когда на помощь главарю пришел Харитон. Он только что избавился от противника и отполз в сторону, чтобы передохнуть. Тут и увидел Гика. Оценив ситуацию, рванул к ножу, схватил его, на какую-то долю секунды опередив десантника, сжал рукоятку и поднялся.

Десантник пошел на него, но Харитон уже плохо соображал. Он набросился на парня и нанес ему восемь ножевых ранений. После этого выбросил нож, подобрал сумочку пожилой дамы, которую та от страха так и оставила на месте драки, забросил на плечо Гика и попытался скрыться. Уйти ему не удалось. Через два квартала его окружил наряд полиции. Под дулом автоматов Харитон сдался. К тому времени он уже знал, что спасает мертвеца: удар о стену размозжил Гику череп, отчего тот мгновенно умер.

Несмотря на то что главарь банды не выжил, а Харитон отправился в зону сразу за два преступления – вооруженный грабеж и нанесение тяжких телесных, – пришел он туда героем. Слух о том, как он, спасая кореша, бросился с ножом на матерого десантника, достиг зоны раньше Харитона, окутав его личность ореолом славы, а такого человека по приметам и по наколкам, да еще зная его «погоняло», в полицейской базе найти проще простого.

Уже спустя час после возвращения в отдел Гуров знал все о Владимире Гаджало. Все, кроме того, где его искать. Адресом регистрации Гаджало числился город Наро-Фоминск, поэтому Лев решил связаться с начальником Наро-Фоминского ОВД. Он выяснил, что после последней ходки Гаджало прошло одиннадцать месяцев, а согласно судебному решению, ему предписан административный надзор сроком до одного года. Гаджало обязан один раз в две

недели отмечаться у местных правоохранителей, и, по словам участкового, обязанностью этой не пренебрегал.

За последний месяц Гаджало побывал в отделе уже дважды, и надежды Гурова на то, что удастся перехватить его, когда он в очередной раз придет отмечаться, растаяли, едва успев появиться. Ждать две недели до очередного визита – это слишком долго. Он выписал адреса всех мест, где, по словам участкового, чаще всего бывал Харитон, Гуров и Крячко отправились на обход. Наро-фоминских приятелей Гаджало пообещал навестить сам участковый.

Первую весточку о Харитоне Гуров и Крячко получили на третьем по счету адресе, в душном полуподвальном помещении, обозначенном на картах Москвы как питейное заведение «Раздолье». Появляться там полковникам было рискованно, так как хозяин «Раздолья» сам имел пару ходок и клиентов привечал все больше из уголовной среды. Тем не менее посетить распивочную было необходимо. В личном деле Харитона владелец подвального помещения значился поделельником с последней ходки, а такие знакомства, как правило, самые крепкие.

В заведение можно было попасть, спустившись на три ступеньки вниз, протиснувшись сквозь узкий проход между двумя мрачно-синего цвета перегородками и справившись с целым водопадом цепей, закрывающих вход вместо двери.

– Хорошо, не додумались погоны нацепить, – спускаясь, прошептал Крячко, – а то бы и до первого столика не дошли.

– Не так уж тут и опасно, – прошептал в ответ Гуров. – Главное, виду не показывай, что тебе есть что скрывать, и все будет в порядке.

– Со мной-то точно будет, а вот у тебя на физиономии метровыми буквами написано: «Я – мент», – заметил Стас. – Тебе сколько вид ни упрощай, от налета Петровки не избавишь.

– Тогда скажи, что ты меня в заложники взял, – пошутил Гуров.

– Или в шпионы завербовал, – поддержал шутку Крячко. – Хочу, чтобы ты мне ментовские секреты раскрывал.

Беседа, они дошли до барной стойки, где щуплый немолодой мужичок тер стакан сомнительной чистоты полотенцем.

– Чего надо? – бросив взгляд на Гурова, спросил он.

– Раньше этот вопрос звучал несколько иначе, – забывшись, начал Крячко. – Когда-то гарсон склонялся в почтительном поклоне и вопрошал: «Чего изволите?»

Щуплый мужичок отставил стакан в сторону, перекинул полотенце через шею и вдруг, совершенно неожиданно для полковников, начал расти. Гуров смотрел на то, как фигура мужичка становится все выше и выше, и никак не мог понять, как у него это получается. Но по звуку отодвигаемого стула догадался, что тот просто встал.

– Ох, прости, друг! – Крячко бросился исправлять положение. – Наверное, курнул лишнего, вот и торкнуло.

– Заткнись, – одними губами прошептал Гуров, но Крячко никак не мог остановиться. Превращение щуплого коротышки в гиганта сделало свое дело: Стас нес все, что приходило на ум.

– Ты, это, плесни нам чего-нибудь в стаканы. Сухотка задолбала. И похавать тоже навали. Мяса там, овощей. И Харитона позови, дело есть.

Щуплый не двигался с места. Он смотрел на Крячко печальным, сочувствующим взглядом и молчал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.